

Роман Афанасьев

**Проклятие
Оркнейского
Левиафана**

Роман Афанасьев

**Проклятие Оркнейского
Левиафана**

«Издательские решения»

Афанасьев Р. С.

Проклятие Оркнейского Левиафана / Р. С. Афанасьев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747770-7

Лонбург, столица Оркнейской Империи, укутан туманом и смогом. Смерть профессора Макгрегора вызывает вопросы не только у полиции. Ученый Томас Маккензи начинает собственное расследование вместе с племянницей профессора и охотником за головами, одержимого поисками неуловимого убийцы. Постепенно друзьям открывается жестокая и злая изнанка Империи. В их руках — судьба человечества, и каждому придется сделать собственный выбор: покориться судьбе или идти навстречу проклятию Оркнейского Левиафана...

ISBN 978-5-44-747770-7

© Афанасьев Р. С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Проклятие Оркнейского Левиафана

Роман Афанасьев

© Роман Афанасьев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Сентябрьский вечер в Лонбурге выдался таким же сырым и мрачным, как и десяток предыдущих. Густые хлопья холодного тумана величественно скользили над рекой Тарой, забираясь, порой, на каменные набережные. Раскидывая по брусчатке свои призрачные щупальца, они брали в плен газовые фонари, оседали каплями воды на железных решетках и пугали припозднившихся прохожих.

Большой каменный мост, связывающий берег и Парковый остров, пустовал. Дневное движение замерло – теперь уже до самого утра. Близилась сырая лонбургская полночь, а в это время все местные обитатели предпочитали сидеть по домам.

Впрочем, на Парковом Острове их было не так уж много. Узенькая улочка, прямая как стрела, вела от моста к крохотной площади в самом центре острова. Здесь, на небольшом пятачке земли, чудом уцелевшим посреди реки в самом центре Старого Города, жались друг к другу десяток старых особняков. Когда-то величественные и сияющие огнями сейчас они были пусты и почти заброшены. В них доживали свой век последние представители богатых семей, когда-то управляющих городом. Но их влияние и их богатство давно сгинули, и теперь эти семьи представляли собой лишь остатки былой великой эпохи, обветшавшие не меньше собственных особняков.

Чуть дальше от моста, на краю площади, высился самый старый двухэтажный дом. Он выглядел не лучше остальных, но в отличие от соседей, в нем еще теплилась жизнь. На втором этаже, за рядами пустых и темных окон, где располагались хозяйские спальни, было тихо. А на кухне, на первом этаже, за крепкими ставнями жизнь была ключом. Кипела вода в котлах, на плите шипели сковороды с раскаленным маслом, в новых медных трубах гудела вода.

Мистер Роджер Батлер – пожилой мужчина, довольно высокий и широкоплечий – восседал за круглым кухонным столом, уставленным шумовками, кастрюлями и кувшинами. Владелец пушистых седых бакенбард, он носил гордое звание управляющего дома, но, по сути, ему приходилось выполнять и работу прислуги, дворецкого, привратника и даже сервировать столы во время редких приемов для гостей.

Но мистер Батлер весьма гордился своим положением – не каждому управляющему Лонбурга доводится служить в древнейшей семье трем поколениям. Весь персонал дома теперь состоял лишь из кухарки миссис Роше, суетившейся у плиты. Но мистер Батлер не согласился бы променять свою работу на иную. Прислуживать в доме самого профессора Макгрегора – большая честь. Это вам не доходным домом управлять.

Батлер перевернул газетный лист, пахнущий свежей краской, строго глянул на миссис Роше, склонившейся над мойкой, и продолжил чтение.

– На четвертой странице Почтмейстер поместил новости с Континента, – медленно, с расстановкой, произнес он. – Веймарская Империя опять выдвинула ультиматум Бретонскому Королевству по поводу спорных территорий на южной границе.

– Опять? – живо откликнулась миссис Роше и обернулась.

Маленькая, полная, она вся лучилась жизненной энергией. Пусть ей и было далеко за полвека, но с ее морщинистого лица не сходила легкая улыбка, а брови то взлетали к белому капору, что скрывал седые волосы, то опускались к самой переносице.

Не дожидаясь ответа, она ловко подхватила со стола пару сковородок, плюхнула их в мойку, и вновь повернувшись спиной к собеседнику. Тот, не смутившись, откашлялся и, шурша газетным листом, продолжил:

– Речь идет о тех мелких герцогствах, что их разделяют, – управляющий позволил себе подпустить в голос иронию. – У них был хороший шанс договориться полюбовно. В прошлом

месяце. Но Веймар слишком настойчив. Подмял под себя все северное побережье, выдвинулся на восток, а теперь взялся и за юг.

– Безбожные солдафоны, – не оборачиваясь, откликнулась кухарка. – Все им мало, лишь бы подраться.

– Напряжение нарастает, – прочитал Батлер, – «Почтмейстер» пишет, что в связи со сложившейся ситуацией, Совет Лордов собирается сделать заявление о недопустимости нагнетания военного присутствия Веймара на юге Континента.

– Лучше бы занялись проблемой перевозок, – бросила миссис Роше, энергично скребя закопченный бок сковороды. – Дирижабли в последнее время ходят отвратительно. Моя кухня, Полли, вы помните Полли? Так вот она утверждала, что в прошлом месяце целых три дня не могла вернуться в Лонбург с Континента. Веймарцы по каким-то своим соображениям задержали вылет всех дирижаблей! Представляете, сотня человек, в потрепанной гостинице на берегу Шелля, без горячей еды, совсем как моя Марджи в шестьдесят пятом, в Бангалоре...

Мистер Батлер громко откашлялся, привычно прерывая словоизлияния кухарки. Знал, что если не остановить миссис Роше, то через пару минут он погрузится в такие дебри ее родственных связей, что не выпутается из них до завтрашнего утра.

Кухарка понизила голос, пробормотала что-то не слишком лестное в адрес своей сестрицы Мардж, и взялась за сковороду. Управляющий перевернул газетный лист и громко хмыкнул.

– Новости восточных колоний на последней странице, – сказал он. – Представляете, на последней! Конечно, после окончания боевых действий в Бангалоре, интерес к полуострову снизился. Но все же – это самая крупная колония, и этим писакам надо бы проявить побольше уважения к такой значительной части Оркнейской Империи.

– Куда там, – откликнулась кухарка. – До следующего восстания местных сепаратистов, все новости юго-востока так и будут на последних страницах.

– Пишут, что на побережье, у города Сиджпура закончен новый пассажирский порт, позволяющий принимать большие корабли, – пробормотал Батлер, погружаясь в чтение. – Успешно осуществлен прием трех паровых лайнеров, курсирующих между Оркнеей и Бангалором. Канцелярия Вице-Короля Бангалора вновь затребовала у Совета Лордов Оркнеи созыва Ассамблеи Совета по вопросу развития собственных военных сил полуострова. В полную силу заработала железная дорога, ведущая от Сиджпура на север, к горам, что позволит быстро переправлять войска в случае нового восстания гурков...

– Лучше бы Совет Лордов заново рассмотрел бы вопрос о статусе Королевского Парка, – перебила управляющего миссис Роше. – Подумать только, настоящий лес в самом центре закопченного Лонбурга. Такие чудесные места для прогулок!

– Летняя Королевская Резиденция не место для прогулок любопытных горожан, – Батлер нахмурился. – Раз в году Его Величество все-таки посещает парк.

– Ну и закрывали бы раз в году, – легко отозвалась кухарка. – Весь город в дыму от заводов, и даже смог с восточных верфей сюда собирается. А детям надо где-то гулять.

Мистер Батлер поджал губы, стараясь удержать резкое замечание. В вопросе Королевского Парка они с миссис Роше занимали прямо противоположные позиции.

К счастью, намечавшуюся ссору прервал гулкий звон медного колокола – огромные напольные часы, висевшие у выхода с кухни, отметили половину одиннадцатого. Миссис Роше всплеснула руками и обернулась к часам, подслеповато щуря глаза. Высокий прямоугольный ящик из черного дерева ответил ей твердым взглядом единственного белого ока, украшенного узорчатыми стрелками.

– Время вечернего чая, – строго объявила кухарка и обернулась к кухонному шкафчику, где хранились подносы.

Управляющий без всяких возражений сложил газету и аккуратно положил ее на край стола. Поправив белоснежный воротник блузы, он принялся наблюдать за кухаркой, священнодействующей над серебряным подносом, фарфоровым чайником с синей лилией и парой хрупкий чашек. Традиционный вечерний чай для профессора был не просто очередным приемом пищи. Это таинство было призвано напомнить профессору, что пришла пора оставить дела и укладываться спать.

Себастьян Макгрегор, профессор Лонбургского Университета, глава Кафедры Инженерии, был на редкость трудолюбив. За время учебы и работы ему не раз случалось засиживаться над рабочими бумагами до самого утра, что, конечно, не шло на пользу его здоровью. И год назад мистер Снорри, семейный врач поредевшего семейства Макгрегоров, отчаявшись добиться от пациента послушания, воззвал к чувствам управляющего и кухарки. В присутствии мистера Батлера врач и профессор заключили договор – не позже одиннадцати вечера пациент должен быть в постели, иначе удар, погубивший старшего Макгрегора, настигнет и его последнего сына.

Мистер Батлер поклялся врачу, что сделает все от него зависящее, чтобы не допустить нарушения режима. Он считал, что этот дом уже достаточно видел бед и лишений. И еще помнил, как скончалась от легочной заразы мама Себастьяна, после чего старший Макгрегор, знаменитый исследователь Африки, скрылся от горя в очередном путешествии. Оставив сыновей на воспитание в Имперском Колледже.

Когда младшему, Себастьяну, исполнилось двадцать, его отец вернулся из очередного путешествия, сраженный южный лихорадкой. А Колин – старший брат Себастьяна, решивший в этот раз сопровождать отца – не вернулся вовсе.

Старший Макгрегор так и не смог смириться со смертью сына и вскоре скончался от сердечного приступа. Семья Колина, давно жившего отдельно, в северном Нире, в имении жены, перестала общаться с Макгрегорами. Фамильный особняк пришел в упадок и запустение.

Молодой Себастьян с головой ушел в учебу и свои научные труды, пытаясь отгородиться ими от реального мира. Контакты с семьей брата были потеряны, они редко напоминали о себе, да и Себастьян не стремился поддерживать отношения с дальними родственниками. Вскоре в доме остались только верная кухарка да мистер Батлер, превратившийся из бодрого младшего помощника в старого управляющего.

Профессор так и не женился, говорил, что ему некогда заниматься такими глупостями, и теперь, когда он перешагнул полувековой рубеж, Батлер потерял всякую надежду на то, что род Макгрегоров продолжится. Единственное, что ему оставалось – заботиться о здоровье своего последнего хозяина, и уж в этом вопросе он был непреклонен.

– Чай для профессора! – строго объявила миссис Роше, выставляя на стол потемневший серебряный поднос с чайником, чашечками и кувшинчиками. – И проследите, чтобы он принял микстуру!

– Всенепременно, – твердо отозвался управляющий, поднимая поднос. – Обязательно прослежу.

Медленно и торжественно мистер Батлер вышел из кухни, неся перед собой вечерний чай для профессора. Честно говоря, для особой торжественности повода не было, просто управляющего, разменявшего седьмой десяток, немного покачивало. Колени уже не те, что раньше, да и в голове немного шумит. Да и руки порой дрожат, и вовсе не от солодового виски, как частенько предполагала вслух миссис Роше.

Медленно и осторожно, сжимая поднос обеими руками, он вышел из кухни, аккуратно прошелся по скользкому, начищенному паркету большого холла, и степенно поднялся по лестнице на второй этаж дома. Налево уходил коридор к спальням профессора, направо – к его рабочему кабинету. Батлер свернул направо, степенно прошествовал мимо резных перил, вошел в длинный коридор и остановился у массивных деревянных дверей из красного дерева.

Очень осторожно поддержал поднос левой рукой, а освободившейся правой торжественно постучал в полированную створку двери,

– Сэр Себастьян, вечерний чай! – объявил управляющий.

Но вместо привычного раздраженного ворчания профессора, оторванного от очередной загадки механики, Батлер услышал лишь звенящую тишину.

– Мистер Макгрегор, вечерний чай! – крикнул управляющий и вновь постучал в створку, уже сильнее, надеясь разбудить хозяина кабинета. – Мистер Макгрегор!

Ответа не было. Управляющий на секунду задумался, потом нерешительно, с опаской, положил руку на огромную медную ручку двери. Конечно, ему не раз приходилось беспокоить своего раздражительного хозяина, но рабочий кабинет – это святая святых профессора и он будет крайне недоволен вторжением. И все-таки...

Батлер решительно нажал на ручку, толкнул дверь. Заперто. Ошеломленный управляющий попробовал еще раз, и еще, бессмысленно гремя медной рукоятью. Потом отступил на шаг. Поднос с чаем вдруг сделался невероятно тяжелым и Батлер, медленно склонившись, поставил его прямо на паркет. Выпрямившись, тяжело дыша, он снова взялся за ручку уже обеими руками.

– Мистер Макгрегор! – крикнул он, тряся грохочущую дверь. – Сэр Себастьян!

Заслышав шаги за спиной, управляющий резко обернулся, растерянный, как школьник, застигнутый за неприличным делом классным руководителем. Но это была всего лишь миссис Роше. Заслышав шум наверху, кухарка сама явилась посмотреть, что происходит у кабинета.

– Что такое? – с тревогой спросила она, бросив взгляд на поднос, стоявший на паркете. – Что случилось?

– Заперто! – с досадой воскликнул управляющий. – Я стучу, а профессор не открывает!

– Мой бог! – миссис Роше прижала руки к морщинистым щекам. – Роджер, сейчас же несите ключ!

– Да, да, конечно, – спохватился управляющий, – я сейчас!

Развернувшись, он быстро, насколько мог, бросился к лестнице. Держась за перила обеими руками, Батлер сбежал вниз и бросился в свою рабочую комнату под лестницей. Там, в ящике, хранились ключи от всех замков дома.

Нужный нашелся сразу – он был гораздо темнее прочих, не считая, конечно, ключа от спальни родителей профессора – этой комнатой не пользовались с момента смерти отца Себастьяна. Проявив не дюжую для своего возраста прыть, Роджер выскочил из каморки и взлетел вверх по лестнице, жадно хватая раскрытым ртом воздух. Его щеки пылали, сердце отчаянно колотилось, а вены на висках надулись, превратившись в синие веревки.

Миссис Роше оставалась у дверей в кабинет. За это время она успела взять поднос и теперь сжимала его перед собой, отчаянно цепляясь за него, как за привычный символ неизменного порядка в доме. Управляющий, не удостоив ее даже взглядом, метнулся к двери и дрожащими руками вставил старый ключ в замок под ручкой. Старый ключ заскрежетал, Батлер нажал сильнее, и замок щелкнул, подчиняясь грубой силе. Управляющий рванул на себя дверь и ворвался в кабинет профессора.

Комната утопала в полутьме. Газовый рожок у двери светил тускло и ряды книжных шкафов, тянувшихся от стены до камина, утопали в темноте. Огромный письменный стол профессора, стоявший у окна, освещала одинокая свеча, что почти догорела – профессор Макгрегор все еще с недоверием относился к новомодному электричеству. Столешница, как всегда, была уставленная странными моделями механизмов, колбами, и завалена горами бумаг. В зыбком свете свечи управляющий увидел темную фигуру – профессор Макгрегор сидел в своем массивном кресле, как всегда, лицом к окну, спиной к дверям. Отсюда Батлеру был виден лишь седой затылок хозяина дома, едва возвышавшийся над высокой спинкой кресла.

– Профессор? – хриплым шепотом позвал управляющий, осторожно ступая по бангалорскому ковру, заглушавшему его нерешительные шаги. – Сэр?

Очутившись у самого кресла, Роджер немного помедлил, но потом сделал последний шаг, и заглянул в кресло. Сэр Себастьян Макгрегор, профессор Инженерного Колледжа, полулежал в кресле, откинувшись на спинку. Его голова задралась, пустые, невидящие глаза смотрели в потолок, а из раскрытого рта на подбородок стекала слюна.

– Мертв! – воскликнул Батлер, схватив холодную руку хозяина. – Он мертв!

У дверей на пол с грохотом обрушился серебряный поднос, разметав по паркету звенящие чашки и блюда. Миссис Роше, издав тихий стон, привалилась к распахнутой двери, прижимая ладони к морщинистым щекам.

– О, нет, – простонала она. – Нет!

Управляющий пал на колени у самого кресла хозяина дома, и, чувствуя, как горячие слезы ползут по щекам, обеими руками взялся за холодную кисть профессора. И лишь когда его пальцы, сжимающие окоченевшую руку профессора, ощутили что-то странное, управляющий медленно перевел взгляд вниз. Сделав титаническое усилие, Батлер поднялся на ноги, с трудом оторвал взгляд от мертвого хозяина и направился к двери. За те несколько шагов, что ему пришлось пройти до выхода, управляющий успел взять себя в руки и даже успокоить дыхание.

– Миссис Роше, – сказал он, подойдя к кухарке. – Закройте дверь в кабинет. Ничего не трогайте. Оставайтесь на кухне. Мне нужно уйти.

– Роджер! – воскликнула пораженная кухарка. – Как вы можете! Куда вы собрались?

– В полицию, миссис Роше, – скупой ответил управляющий.

Двигаясь медленно, но точно, как налаженный механизм, управляющий спустился вниз, взял с вешалки плащ, черный котелок, зонтик, и – вышел в ночь.

Часть первая

Дни и ночи серого города

— 1 —

Их было всего два – круглых железных шара, каждый величиной с кулак. Возвышаясь на тонких металлических спицах, воткнутых в деревянные подставки, оплетенные тугими резиновыми нитями, шары находились на расстоянии локтя друг от друга. Гладкая столешница письменного стола была усеяна черными выжженными пятнами, потеками прозрачного клея, и обрезками черного каучука. Прозрачные колбы, змеевик и спиртовая горелка были аккуратно сдвинуты в угол, подальше от блестящих шаров. Черные резиновые трубки, скрывавшие в себе медную нить, тянулись от подставок к краю столешницы и уходили под стол. Именно оттуда, с уровня пола, раздавалось мерное гудение, словно кто-то с упорством, достойного лучшего применения, вращал рукоятку ручной кофейной мельницы...

Удар! С громовым треском между шарами вспыхнула ослепительная молния. Зависнув над столом, она несколько мгновений ярко пылала, скворча, как кипящее на сковороде масло. Полированные шары потемнели, покрылись черным нагаром, с них посыпались частички расплавленного металла, выжигая на пострадавшей столешнице новые черные пятна. Спустя ослепительный миг молния пропала. Почерневшие и оплавленные шары погасли, и, остывая, стали тихо потрескивать. По кабинету поплыл сухой запах раскаленного металла.

Сначала над столешницей появилась соломенная копна волос, с аккуратно зачесанным волной чубом. Потом светлые брови и – огромные очки из темно-синего, почти черного стекла. Затем изящный острый нос, щеточка рыжеватых усов, и, наконец, острый и чисто выбритый подбородок, с едва заметной ямочкой посередине. Молодой человек – а он явно был молод, – внимательно осмотрел почерневшие шары, одним рывком поднялся на ноги и покинул свое убежище.

На нем была белая блуза, практически скрытая огромным резиновым фартуком с завязками. Руки скрывались в черных каучуковых перчатках, чьи раструбы доходили до самых локтей. Их молодой человек снял в первую очередь – медленно, аккуратно, не отрывая взгляда от еще дымившихся шаров. Потом так же медленно он поднял изящную руку и стянул с лица огромные темные очки, явив свету строгое лицо молодого аристократа, весьма озабоченного результатом очередного эксперимента.

Внимательно осмотрев шары, молодой человек улыбнулся самыми кончиками губ, и поднял глаза, пытливым взглядом обшаривая кабинет. Стол, стоявший у окна, был почти чист, но соседствующее с ним бюро из красного дерева, с откинутой крышкой, было завалено обрывками бумаг и потрепанными книгами. Молодой человек бросил взгляд под стол, куда вели провода, потом решительным шагом направился к бюро, выдвинул средний ящичек, вытащил огрызок карандаша и склонился над крышкой. Выбрав один из листков бумаги, он принялся покрывать лист рядами цифр и букв, для скорости письма используя всевозможные сокращения. Он торопился, но строки, вылетающие из-под острия карандаша, были четкими и ровными, свидетельствуя о немалом опыте ведения записей и дисциплинированности автора.

Молодой человек был так увлечен своими заметками, что не сразу услышал, что его окликнули. Лишь когда его имя прозвучало во второй раз, он поднял голову и бросил взгляд в сторону двери. Там, в темном проеме высился упитанный старикан в сюртуке болотного цвета. Черные кудри, бывшие когда-то предметом воздыхания юных дам, а ныне обильно сдобренные сединой, свисали на морщинистый лоб. Под кустистыми бровями прятались глубоко посажен-

ные глаза, мясистый нос, усеянный красными точками лопнувших капилляров, уверенно вышался над густыми, словно одежная щетка, усами.

– Сэр Томас! – позвал старикан. – Завтрак готов. Спускайтесь, Мари уже варит кофе.

– Благодарю, Эндрю, – сдержанно отозвал Томас. – Буду через пару минут.

Пожилый мужчина кивнул и бесшумно исчез в темном проеме. Молодой человек быстро дописал пару строчек, бросил карандаш обратно в ящик и решительно направился в темный угол, отгороженный от кабинета бумажной ширмой с изображением разноцветного многорукого бангалорского бога. За ней скрывался медный рукомойник с единственным медным крапом, блестящим от частого употребления. Томас пустил тонкую струйку ледяной воды в загрохотавший поддон, тщательно сполоснул руки, умыл лицо. Потом снял резиновый фартук, повесил его на крючок вешалки, стоявшей рядом с рукомойником, и с нее же снял бежевый тканый жилет, прошитый золоченой нитью. Одев его, Томас тщательно застегнул пуговицы, проверил наличие круглой луковицы часов в кармашке, и лишь потом бросил взгляд в крохотное зеркальце над рукомойником. Оставшись недовольным результатом, он нашел расческу, придал своему соломенному, чуть отдававшему рыжим, чубу некоторую волнистость.

Выйдя из кабинета, он прошел мимо двери в свою спальню и спустился вниз по узкой деревянной лестнице, втиснутой между двух стен. Подумать только! Он снимает эти комнаты уже три года. В каком-то смысле ему повезло: чета Финниганов – странный союз булочницы и отставного сержанта морской пехоты – были весьма терпеливыми хозяевами. И брали весьма умеренную плату с ученого, склонного к шумным экспериментам.

Строго говоря, домик Финниганов, стиснутый с двух сторон такими же невысокими каменными домами соседей, являлся булочной лавкой. На первом этаже располагался торговый зал, куда любой прохожий мог зайти с улицы. На крохотный задний двор выходила кухня, рядом с ней было жилье самих хозяев. А второй этаж, где располагались три комнаты, сдавали внаем. Мери, дочь известного пекаря из соседнего района, торговала, в основном, выпечкой своего отца. Но иногда пекла что-то сама, больше для удовольствия, чем для выгоды.

Вот и сейчас, спускаясь на первый этаж, Томас с удовольствием втянул носом воздух наполненный ароматами печеного хлеба, глазури, патоки, ванили и чего-то сладкого, чему он не мог подобрать названия. Именно этот запах, тогда, три года назад, помог ему принять решение о съеме квартире. На курсах Колледжа Механики слухи о сдаваемом внаем жилье всегда распространялись со скоростью степного пожара. Вечно голодные студенты, молодые преподаватели, ученые и изобретатели всегда находились в поисках своего угла, где можно было бы переночевать. И Томас, аспирант Колледжа Механики, разумеется, отправился по указанному адресу, едва услышав об освободившейся квартире. Ему повезло оказаться там первым, опередив неудачливых коллег. Чудесный запах, хлынувший на него из распахнутой двери, тут же заставил его принять предложение четы Финниган. Конечно, значительную роль тут сыграла и невысокая плата, но этот запах...

Это был запах далекого детства. Запах того времени, когда еще были живы и отец и мать, а словосочетание «сиротский приют» ничего не значило для мальчика Тома.

Помрачнев, Маккензи со злостью хлопнул ладонью о перила, и двинулся вниз по лестнице.

– 2 –

Строго говоря, этой комнате было далеко до приличного обеденного зала. Это крохотное помещение, где едва помещался круглый стол с тремя стульями, примыкало к лавке Финниганов, занимавшей первой этаж, и напоминало скорее чулан. В дальний угол, рядом со шкафом, был втиснут секретер с откинутой крышкой. На ней помещались механический числитель

для подсчета прибыли и стопка исписанных карандашом бумаг. Именно здесь Мэри Финниган подводила итоги своей торговли – и здесь же подавала завтрак.

Когда Томас, миновав лавку, вошел в комнату, все семейство уже собралось за столом. Эндрю, успевший накинуть свой старый морской китель без знаков отличия, перебирал свежие газеты, а Мэри разливала по чашкам крепкий черный чай, наполняявший крохотную комнату терпким ароматом заваренных листьев.

Поприветствовав Мэри, молодой ученый сел на свое место – у крохотного окна, выходящего прямо на мощенную булыжниками мостовую. Как и у других бедных домов на этой улице, у этого не было ни дворика, ни сада, и входная дверь распахивалась прямо на улицу. Сначала Томаса это забавляло, он привык к более уединенным жилищам, но не признать очевидного он не мог – для торговой лавки такая доступность для прохожих была огромным плюсом. Любой прохожий с улицы мог легко зайти в лавку, привлеченный ароматом свежей выпечки.

– Ваш завтрак, сэр Томас, – проворковала миссис Финниган и молодой человек отвернулся от окна.

Завтрак, как обычно, состоял из сваренного вкрутую яйца, двух сдобных булок, обильно сдобренных сливовым джемом. Так же присутствовала тарелка овсяной каши и огромная чашка чернейшего, как дождливая ночь, чая. Томас привычным жестом заткнул за воротник длинную белоснежную салфетку, оберегая любимый жилет от возможных случайностей, положил яйцо в подставку и вооружился крохотной серебряной ложечкой.

Мэри устроилась на краю стола, довольствовавшись лишь чашкой чая. Она торопилась вернуться в лавку, пока не нагрянули первые посетители, не успевшие позавтракать дома, и решившие перехватить пару булочек по дороге на службу. Высокая, статная, в молодости она, несомненно, слыла красавицей. Но время, увы, не пощадило миссис Финниган.

Расправляясь с яйцом, Томас бросил взгляд на бывшего сержанта морской пехоты. Эндрю не торопился – медленно водил ложкой в своей тарелке с кашей, не отрывая взгляда от газеты. Его работа начиналась ближе к обеду – именно тогда бывшему сержанту предстояло вызвать повозку и начать ежедневный объезд трактиров, заказавших выпечку.

Едва Маккензи взялся за джем, как Мэри одним глотком прикончила свой чай, поставила чашку на стол и, бросив виноватый взгляд на постояльца, шмыгнула в лавку. Через минуту загремели ставни, звякнул колокольчик на двери. Рабочий день Мэри начался.

– Что едят, Эндрю? – поинтересовался Томас, промокнув губы салфеткой. – Что это у вас, «Утренний Почтарь»?

– Он самый, – отозвался бывший сержант. – Едят, сэр Томас, сущие глупости. В Императорском Концертном Зале дают новую оперу, что-то континентальное. Две актрисы, обе из труппы Королевского Бретонского театра учинили скандал на приеме в честь открытия сезона. Ну и прочую чепуху. Совершенно невозможно стало читать эту мерзкую газетенку.

– А что «Оркнейский Вестник»? – осведомился Маккензи, придвигая к себе блюдо с выпечкой.

– О, эти ребята на высоте, – отозвался сержант, отдуваясь после глотка горячего чая. – Правда, я еще не закончил, так, пробежался по заголовкам. Но вот что я скажу, сэр Томас – керосиновый движитель Белла снова запущен и превосходно работает. Чтобы вы не говорили, за ним будущее.

– Отнюдь, – спокойно возразил ученый, возвращаясь к ставшему традиционным спору за завтраком, – будущее, Эндрю, за электричеством. Нефть слишком редко встречается, чтобы делать ставку на промышленную добычу. А процесс ее переработки настолько сложен, что никто не будет вкладывать деньги в его промышленное внедрение. И не забудьте о крайней ядовитости этого производства и неизбежном вреде для здоровья. Керосиновый движитель Белла всего лишь иллюстрация некоторых законов механики и химии, занимательный опыт, подтверждающий теории профессора. Но не более того.

– И все же, думаю, вы недооцениваете его потенциал, сэр Томас. При всем моем глубоким уважении к вам и Колледжу, я думаю, что ни один капитан не отказался бы от такого компактного керосинового двигателя на корабле вместо этих огромных паровых чудовищ. Помню, в пятьдесят шестом, кажется, в Севильском проливе...

– Двигатель не настолько мощный, как пишут Новости Науки, – возразил Томас, – да и топливо к нему... Вода всегда под рукой. И огонь. И пар намного безопаснее. Мы ходим на пару Эндрю и продолжим ходить до тех пор, пока его не сменит электричество – благодаря залежам синего кварца. Новые аккумуляторы, невероятно емкие и небольшие, позволят нам гораздо шире использовать электричество.

– Безопасный пар, – бывший сержант покачал головой. – Видели бы вы, сэр Томас, как взрывается паровой котел, не выдержав давления. Никакая артиллерия с этим не сравнится. Гнев Божий в натуральном виде.

– Все технологии опасны, – меланхолично заметил Маккензи, приступая к чаю и желая потихоньку закруглить разговор. – Одни больше, другие меньше.

– И потому я еще долго будут развозить печенье на своей верной лошадке, – подхватил Эндрю. – На мой век, конечно, хватит и конной тяги. Признаться, видя на улицах пассажирские парокаты, я немного завидую вам, молодым. Дело идет к тому, что скоро все в этом сумасшедшем городе пересядут в железные колымаги, а кэбы больше не будут оставлять после себя кучки навоза у моего крыльца. Но, наверно, этого я уже не увижу.

– Увидите, Эндрю, увидите, – с убеждением произнес молодой ученый. – Будущее гораздо ближе, чем вам кажется. Конечно, все мы смертны, но прогресс идет семимильными шагами, и до будущего рукой подать.

– Кстати, о смертности, – Эндрю спохватился и зашуршал газетами, перебирая марки от типографской краски листы. – Вы знаете профессора Макгрегора?

– Себастьяна Макгрегора? – Томас выпрямился, отставил чашку чая в сторону. – Что с ним?

– Увы, – печально произнес Эндрю, осторожно вытягивая из кипы газет отдельный лист. – Профессор вчера скончался. Вот, Новости Науки, четвертая страница...

Томас выхватил из протянутой руки сержанта газетный лист и склонился над ним, пытаясь разобрать мелкие буквы.

– Не может быть! – воскликнул он, наконец, – пишут, что профессор скончался сегодня ночью, а сегодня уже похороны!

Помрачнев, Томас откинулся на спинку стула и отодвинулся от стола.

– Я не был с ним близко знаком, – тихо сказал он. – Но Макгрегор читал у нас курс инженерии на третьем курсе. Помню, мы с ним знатно поспорили пару раз. А его Мелкая Механика до сих пор является моей настольной книгой. Выдающийся ученый.

– Соболезную, – вежливо сказал Эндрю. – Я часто встречал его имя в «Новостях Науки». Судя по статье, это был весьма уважаемый в Университете преподаватель.

– Еще какой, – с досадой бросил Томас, поднимаясь на ноги. – Вот что, Эндрю. Я поеду в Колледж. Попробую узнать, что случилось. А потом, вероятно, я пойду на похороны, так что не ждите меня к обеду и не готовьте на меня. Слышите, Эндрю? Скажите Мэри, что не надо на меня готовить, а то будет как в прошлый раз. Мне было очень неудобно.

– Ну что вы, сэр Томас, – добродушно сказал отставной сержант. – Для нас никакого неудобства, ну, подумаешь, осталось немного еды...

– Еда лишней не бывает, – помрачнев, отрезал Томас, швыряя на стол салфетку. – Мне, воспитаннику казенного пансиона, прекрасно об этом известно. Доброго дня, Эндрю.

– И вам так же, – пробормотал мистер Финниган. – Хотя, какой уж там добрый день, на похоронах то.

Маккензи огорченно махнул рукой, хотел что-то ответить, но сдержался. Развернувшись, он быстро вышел из комнаты, оставив расстроенного хозяина дома допивать остывший чай.

– 3 —

На похороны профессора Томас прибыл с опозданием, пребывая в самом скверном расположении духа. Размышления о внезапной кончине Макгрегора погрузили молодого ученого в пучину меланхолии, обильно сдобренной собственными печальными воспоминаниями о судьбе родителей.

Погода – мерзкий липкий дождик, вяло сочившийся с неба сквозь облака тумана, перемешанного со смогом прибрежных фабрик, – угнетала все сильнее. Да и дорогу к аббатству Клампхилл нельзя было назвать приятной – Томасу, выехавшему из Колледжа Механики после обеда пришлось сначала воспользоваться услугами парокатной трамвайной линии Белла, потом пешком пересечь длинный Каменный Мост через Тару, а потом еще трястись полчаса в обычном кэбе по булыжной мостовой. Так что когда Томас Маккензи ступил на изумрудную траву кладбища Клампхилл, уже более двух веков существовавшего при аббатстве, он чувствовал себя разбитым и невероятно уставшим. Тело, за последние годы, привыкшее совершать лишь моцион до Колледжа и обратно, решительно протестовало против дополнительных нагрузок. Что тоже не улучшало настроения Маккензи – оказывается, погрузившись в свои исследования, он совсем потерял спортивную форму.

К святой мессе в храме, совершаемой над телом, Томас опоздал, это стало ясно, едва он вошел в ворота аббатства – траурная процессия уже двигалась по раскисшей от дождя дороге в сторону кладбища. Не обращая внимания на грязь, обильно пятнавшей лаковые ботинки, Маккензи поспешил следом. Из-за сильного ветра ему пришлось придерживать черный праздничный цилиндр левой рукой, – правой он держал над головой черный зонт с рукоятью из бивней бангалорского слона.

Осторожно ступая по грязи, проходя мимо старых потрескавшихся надгробий, мимо саркофагов, увитых плющом, Томас мрачно размышлял о несовершенстве этого мира. Профессор Макгрегор мог сделать еще очень много для того сверкающего будущего, в которое всем сердцем верил Томас. Он мог принести еще много пользы для Империи, и даже для простых людей, облегчив их повседневное существование в этом мире. И все же – вот печальный итог. Что он не успел? Что не доделал? Смогут ли это воплотить его ученики?

Стиснув зубы, Маккензи решительно двинулся в обход мутной лужи, до боли сжимая рукоять зонта. Больше никаких задержек – решил он. Никаких «потом» и «позже». Завтра же он садиться дописывать доклад о свойствах синего кварца, а через неделю представит его Ученому Совету Колледжа Механики. Пусть работа не идеальна, но больше нельзя топтаться на одном месте, надо двигаться вперед, не откладывая дела на завтра. Ведь завтра – может и не быть.

Отгнав от себя мысли о тщете сущего, Маккензи ускорил шаг и через пару минут нагнал процессию, остановившуюся у небольших зарослей туи, скрывавших фамильный склеп Макгрегоров. Каменное строение размером было не больше рабочего кабинета Томаса и потому у распахнутых дверей склепа поместились только четверо гробовщиков, несших на плечах черный лакированный гроб, да святой отец из аббатства с юным прислужником в черной рясе. Остальные, явившиеся почтить память профессора, остались у дороги.

Их было не так уж много – десятка полтора мужчин, с ног до головы закутанных в черные плащи, прячущихся под зонтами. Женщину Том заметил только одну – пожилую особу, закутанную в плащ, в черном чепце, отороченном черными же кружевами. Она опиралась на руку высокого и прямого как жердь старика с белоснежными растрепанными бакенбардами.

Он не считал нужным открыть зонт или надеть шляпу – так и стоял с непокрытой головой под дождем, не отводя глубоко запавших глаз от черного гроба.

Томас осторожно подошел ближе, встал рядом с двумя молодыми парнями в одинаковых дешевых плащах – явно студентами профессора – и осторожно, стараясь не быть навязчивым, осмотрелся. Старой университетской гвардии почти не было – если не считать сэра Рональда Тумса с кафедры геометрии, что стоял в одиночестве, мрачно взирая на священников, которых недолюбливал за вечную вражду веры и технологии. Насколько Том помнил, Рональд всегда оставался противником Макгрегора, и в баталиях у меловой доски, и в шахматных сражениях. Удивительно, что именно он явился сюда отдать последнюю честь давнему сопернику.

Впрочем, Томас не слишком удивился отсутствию патриархов Университета, потерявших одного из своих самых уважаемых членов. Судя по тому, что в Колледже, куда прямо с утра заявился Том, о кончине профессора и не знали, старики просто еще не получили печального известия. И такая срочность похорон, прямо скажем – неподобающая, просто не позволила им вовремя прийти на церемонию.

Печальное известие в Колледж принес Томас, и его сообщение вызвало переполох. Сам Маккензи, в свою очередь, очень удивился тому, что о смерти одного из ведущих преподавателей знает он один. Это было очень... нелепо.

Журналисты, эти пронырливые бестии, разумеется, узнали о смерти профессора из первых рук – от полиции. Молодые писакки частенько следили за ночными патрульными, в надежде, что внезапная сенсация прославит их имя. Это понятно. Но почему полиция не сообщила в Университет? Почему родные и близкие профессора так поторопились с похоронами? Да и были ли у него близкие?

Томас скользнул взглядом по окружающим фигурам. Да, есть пара смутно знакомых лиц. Определенно, он видел их в Университете, но сейчас не мог припомнить даже на каком отделении. Надо бы перемолвиться с ними парой слов, предложить организовать вечер памяти Макгрегора в стенах самого Университета, раз уж с похоронами вышло так глупо.

Утвердившись на более менее сухой кочке, Томас выпрямил спину и застыл под зонтом как статуя, дожидаясь окончания погребальной церемонии. Она заняла не так уж много времени. Сначала служащие похоронной компании торжественно внесли гроб в семейный склеп Макгрегоров, потом пристроили его на заранее подготовленное место в каменной нише – рядом с последним местом упокоения отца профессора. Снаружи почти ничего не было видно, но никто особо и не стремился заглянуть в склеп. Полтора десятка людей неподвижно стояли под дождем, укрывшись под зонтами, молча наблюдая за упокоением последнего из Макгрегоров. И лишь старик с пожилой женщиной, застывшие у самого входа в склеп, мокли под холодными каплями. Их лица были мокры – слезы смешивались с дождем, но пожилая пара не обращала на это внимания.

Когда служащие похоронной компании, облаченные в черные костюмы, прошитые золотыми нитями, торжественно покинули склеп, святой отец, так же укрытый зонтом, что держал молодой служка, произнес небольшую речь о достойно прожитой Себастьяном Макгрегором жизни. Он явно не был знаком с покойным и использовал самые общие слова о доброте и великодушии. Закончил он ее краткой молитвой, после чего призвал собравшихся вернуться в церковь аббатства Клампхилл и заказать мессу за упокой души почившего профессора.

На этом церемония прощания и закончилась. Старший служитель из похоронной команды закрыл замок на дверях семейного склепа Макгрегоров и вернул ключ святому отцу. Тот сразу засуетился и направился к дороге, бодро шлепая по лужам. Младший служка бросился следом, воздевая зонт над головой седого священника, и тяжелая тишина похорон рухнула, рассыпавшись на куски.

Гости зашевелились, зашептались, обмениваясь впечатлениями и разом, не сговариваясь, двинулись обратно по дороге к аббатству. На этот раз провожающие уже не выглядели скор-

блещущей толпой, единой в своем горе. Они разбились на маленькие компании по два – три человека, спешащих шепотом обсудить невероятно торопливые похороны, что, несомненно, станут предметом для пересудов в ближайшие месяцы два.

Томас, оставшийся в одиночестве, неловко потоптался на месте, оглянулся на пожилую пару, что все еще стояла у дверей склепа, но потом, решившись, двинулся следом за остальными. Перепрыгивая через лужи, ученый ускорил шаг, пытаясь нагнать тех молодых ребят, что показались ему знакомыми. Но пока Маккензи обходил огромную лужу, не решившись перебраться через ее мутные воды напрямую, один из юнцов, в черном плаще и начищенном до блеска цилиндре, что-то громко бросил своему приятелю и ускорил шаги.

Когда Маккензи, наконец, выбрался на сухую дорогу, почти все визитеры успели уйти довольно далеко. Кроме последнего, смутно знакомого человека, что едва передвигал ноги. Похоже, похороны совсем его подкосили – он тихо плелся по грязной дорожке, не обращая внимания на лужи под ногами, и даже чуть пошатывался на ходу. Его черные брюки были до колен покрыты брызгами красноватой грязи, что попали даже на полы дешевого кэбменского плаща, пропитанного каучуком. Молодому человеку было явно не по себе – правая рука, сжимавшая небольшой черный зонт, заметно дрожала, да так, что бамбуковые спицы то и дело касались кепи из бежевого твида, уже заметно намочшего.левой рукой молодой человек терзал свой воротник, пытаясь освободиться от его удушающей хватки. Глядя на эти неловкие метания, Томас внезапно вспомнил, где он видел этого человека, и тут же припомнил и его имя.

– Роберт! – воскликнул Маккензи, – Роберт, подождите!

Молодой человек вздрогнул, как от удара. Он метнулся в сторону, ноги заплелись, и Роберт чуть не упал. Томас, очутившийся рядом, успел ухватить его за мокрый локоть и удержать.

– Кто вы? – воскликнул Роберт, пятясь от своего спасителя. – Кто?

Пораженный Маккензи выпустил рукав плаща и с удивлением взглянул в лицо своему случайному знакомому. Выглядел тот неважно. Белые, как мел, щеки были украшены пятнами лихорадочного румянца, нижняя губа тряслась. Маленькие глазки, напоминавшие пороссячьи, бегали по сторонам, а лохматые брови взлетели к самому козырьку кепи. Роберт Хиллман, ассистент кафедры прикладной геометрии, был напуган. Едва ли не до смерти.

– Роберт, – мягко произнес Маккензи. – Это я, Томас. Аспирант с Механики.

– А, – вяло протянул Роберт, медленно расправляя плечи. – Да, да, Томас. Я помню. Простите, ради бога, простите, я не сразу вас узнал.

– Ничего, – отозвался Маккензи, делая пару шагов вперед. – Пойдемте?

– Да, надо идти, – отозвался Роберт и зашагал рядом с молодым ученым, безрассудно шлепая по лужам. – Надо поскорее идти!

– Куда? – удивился Томас, подстраиваясь под дерганные шаги ассистента.

– Прочь отсюда, – чуть ли не прорыдал Роберт. – Надо бежать. Бежать!

Маккензи немного помолчал, пытаясь настроиться на нужный лад. Похоже, похороны профессора заметно подкосили беднягу Роберта. Не повредился ли он в уме? При сильном горе такое возможно. Но вряд ли Хиллман был так уж близок с Макгрегором. Зато теперь ясно, почему его спутник сбежал, бросив расклеившегося Роберта в одиночестве.

– Все будет хорошо, Роберт, – твердо произнес Маккензи. – Мы все скорбим о профессоре. Внезапная кончина Макгрегора потрясла всех нас. Но жизнь не кончается, Роберт. У нас впереди много дел и...

– Это продолжается, – простонал Хиллман, вцепившись в рукав своего спутника. – Слышите, Томас, продолжается!

– Что продолжается? – опешил Маккензи.

– Все, – выдохнул Роберт. – Эти смерти... Теперь уже и Макгрегор!

– Какие смерти? – Томас тихо вздохнул, начиная жалеть, что нагнал Роберта.

– Джонсон, Хоггарт, Булман, – забубнил Роберт, придвигаясь ближе к своему спутнику, – Фергюссон, Флетчер... Теперь и Макгрегор! Они все мертвы.

– Разве? – флегматично осведомился Томас, подумывая о том, как бы потихоньку отделаться от неожиданно неприятного собеседника. – Пойдите, вы сказали Хоггарт?

– Именно, – прошептал Роберт. – Они все работали с профессором.

– Но остальные, – медленно произнес Маккензи, пытаясь выудить из памяти нужные имена, – остальные, вроде бы с других кафедр?

– Все так, – признал Хиллман, – но год назад они вместе работали над каким-то проектом. Собирались вечерами на факультете Геометрии, что-то обсуждали, спорили. Засиживались за полночь. А я носил им чай.

– Чай? – поразился Томас. – Вы?

– Булман тогда руководил факультетом Прикладной Геометрии, а я был всего лишь аспирантом, – признался Хиллман. – Родерик попросил меня помочь, не хотел посвящать в свои дела персонал Университета. И я согласился.

– Чем же они там занимались? – поинтересовался Томас, – Геометрия, Механика, Химия, Алгебра и, кажется, Геология?

– Археология, – поправил немного успокоившийся Роберт, судорожно шаря в кармане свободной рукой. – Увы, понятия не имею. Они собирались раз в неделю, и никогда при мне не вели бесед. Я лишь приносил им чай и уходил. А потом проветривал аудиторию, стирал с доски, расставлял стулья...

– А что было на доске?

– Формулы, – Хиллман достал, наконец, из кармана огромный клетчатый платок и трубно высморкался. – Целые ряды формул, на мой взгляд, совершенно бессмысленных.

– Что ж, значит, они вели какие-то исследования, – подвел итог Маккензи, едва заметно отодвигаясь от собеседника. – Такое часто бывает в наше время. Сложные задачи требуют применения всего комплекса знаний, которыми в настоящий момент...

– Первым умер Флетчер, – медленно произнес Роберт, не отводя взгляда от серой стены аббатства. – Сердечный приступ. Его нашли дома.

– Да, я помню что-то такое, – признался Томас, – это было примерно год назад...

– Следующим был Джонсон, – продолжил Хиллман, не обращая внимания на слова собеседника. – Упал в реку с моста, когда возвращался домой. Через месяц у Фергюссона внезапно открылась язва, и он истек кровью. Говорят, она хлестала у него изо рта фонтаном.

– Подождите, – пробормотал Томас, невольно отодвигаясь еще дальше, – разве Фергюссон не уехал в Бри полгода назад?

– О, да, – с затаенным злорадством произнес Роберт. – Но это ему не помогло. Как и Хоггарту, переведенному в Университет Даркмура. Он, говорят, повесился у себя в кабинете, когда его диссертация о ископаемых членистоногих была отвергнута ученым советом.

– Так это был Хоггарт? – воскликнул Маккензи, – я слышал об этом случае, но не знал, что это был наш Хоггарт!

– Булман умер два месяца назад, – прошептал Хиллман, опуская взгляд к грязным ботинкам. – Болезнь. Он два месяца не вставал с кровати из-за скачков давления. В конце концов, инсульт его убил.

– Это я прекрасно помню, – задумчиво отозвался Маккензи. – Я, правда, не пошел на похороны, потому что плохо знал Булмана, но помню, как в Колледже была траурная церемония.

– Теперь Макгрегор! – зло бросил Хиллман, вновь хватая молодого ученого за рукав. – Они все мертвы, все! Знаете, что это означает?

– Понятия не имею, – пробормотал Томас, пытаясь осторожно высвободить рукав из хватки спятившего ассистента Кафедры Геометрии.

– Я – следующий, – прошептал Хиллман. – Следующий!

– Ну, ну, Роберт, – ласковым голосом произнес Томас, – послушайте, не принимайте это близко к сердцу. Люди умирают, это так. А наши почтенные профессора были уже в том возрасте, когда здоровье...

– Это проклятье! – воскликнул Хиллман и, остановившись, рывком повернул Томаса к себе.

Роберт был ниже молодого ученого, и ему приходилось задирать голову, чтобы взглянуть в глаза Маккензи. Да, ниже, хрупкого сложения, и легче фунтов на двадцать. Но сейчас, глядя сверху вниз в широко распахнутые глаза Хиллмана, Томас вдруг понял, что не справится с безумцем, если тот решит наброситься на него.

– Эти формулы, – забормотал Хиллман, сверкая глазами. – Они были необычными, о да. В них были такие знаки, что не встречаются в наших науках. Алхимия! Магия! Заклинания! Они вторглись в те области знания, что запретны смертным! Видит бог, это проклятье! Расплата за грехи! И я тоже запачкан, хотя всего лишь был рядом, когда они творили свои мерзости! Не остановил их! Думал лишь о месте ассистента кафедры, обещанное мне Булманом! Я грешен, тоже грешен, как и они, моя жадность, моя проклятая жадность...

– Тише, тише, – произнес Томас, – не надо кричать, нас могут услышать.

Хиллман захлопнул рот и с подозрением оглянулся по сторонам. На дороге было пусто – остальные участники процессии успели выйти с кладбища на улицу Клампахилл, а пожилая пара, что медленно двигалась мимо гробниц, была еще слишком далеко.

– Вы правы, – прошептал Роберт, оборачиваясь к собеседнику. – Не надо кричать. Макгрегор, наверное, тоже не кричал, когда его убивали.

– Макгрегор скончался от сердечного приступа, – осторожно произнес Томас. – В его возрасте это бывает...

– Приступ! – Хиллман зло хмыкнул. – Конечно. Спросите вон у них, какой это приступ!

Его дрожащая рука описала широкую дугу, едва не задев нос Маккензи, и ткнула в сторону пожилой пары.

– Почему у них? – удивился Томас, не поспевая за причудами помраченного рассудка собеседника.

– Это управляющий Макгрегора и его кухарка, – бросил Роберт. – Он вам скажет да. Мне сказал! Сказал! И вам скажет, если доживет!

– Что скажет? – опешил Маккензи, шокированный внезапной вспышкой ярости. – Роберт, о чем вы?

– Никакой это не приступ! – зашептал Хиллман, опуская зонт и яростно с ним сражаясь. – Не приступ. И больше нельзя ждать, надо действовать!

– Подождите, – пробормотал Томас, – Роберт, не надо торопиться, не надо поспешных выводов...

– Надо, – отрезал Хиллман, закрывая зонт. – Я и так слишком долго ждал. Надо бежать. Бежать!

– Роберт...

– Да отцепитесь вы от меня, в самом деле! – воскликнул Хиллман. – Что вы пристали ко мне? Я вас не знаю!

Онемевший Маккензи с изумлением взглянул на своего собеседника, но тот, уже бросился прочь от молодого ученого. На ходу Хиллман остервенело тыкал в мокрую землю зонтом, словно простой тростью, торопясь поскорее выбраться из грязного месива кладбищенской дорожки. Двигался он так быстро, что когда Томас пришел в себя от изумления, Роберт был уже в нескольких шагах от ворот аббатства.

Маккензи медленно выдохнул, провожая сочувственным взглядом хрупкую фигуру ассистента Кафедры Геометрии. Бедняга совсем ума лишился, не удивительно, что его избегают.

Пожалуй, придется и в Университете держаться подальше от этого сумасшедшего. Впрочем, может быть, ему еще помогут. Современная медицина творит чудеса. Кстати, если для стимуляции работы мозга использовать электрический разряд от синего кварца, то возможно это откроет новые возможности для использования...

Томас мотнул головой, отгоняя непрошенные мысли. Сейчас неподходящее время для научных изысканий. Совсем неподходящее. Придерживая цилиндр, Маккензи развернулся к пожилой паре, что почти нагнала его. Старик с белоснежными бакенбардами так и шел с непокрытой головой, глядя прямо перед собой, не замечая дождя. Пожилая женщина, сопровождавшая его, похоже, слабела с каждым шагом. Она уже почти висела на руке своего спутника, что и сам с трудом держался на ногах. На Маккензи, в одиночестве, стоявшем на дорожке, эта пара не обращала никакого внимания, и Томас терпеливо ждал, пока они не подойдут ближе.

– Томас Маккензи, – представился он, едва старикан поравнялся с ним. – Мои соболезнования.

Старик остановился, медленно, всем телом, как орудийная башня, повернулся к собеседнику.

– Роджер Батлер, управляющий дома Макгрегоров, – медленно изрек он, изучив подслеповатыми старческими глазами лицо собеседника. – Благодарим вас, сэр. Профессор Макгрегор всегда очень хорошо отзывался о вас, сэр Томас.

– О, приятно слышать, – с искренним удивлением отозвался Маккензи, – не думал, что профессор запомнил одного из сотен студентов.

– Сэр Себастьян помнил всех, – с печалью произнес старик. – Университет был его семьей. Профессор не раз говорил, что вы поразили его своим нетрадиционным подходом к его лекциям и что у вас, простите сэр, незашоренный взгляд на вещи.

– Приятно слышать, – сказал Томас, бросая взгляд на пожилую женщину, что жалась к боку Батлера, прижимая к губам мокрый от дождя носовой платок.

– Миссис Роше, – произнес управляющий, заметив взгляд собеседника. – Экономка и кухарка профессора. Мы – все, что осталось от обитателей славного дома Макгрегоров.

Миссис Роше вскинула взгляд на молодого ученого и беспомощно пожала плечами, словно извиняясь за свою слабость. Томас заколебался – всего лишь на миг, не более того. Экономка и кухарка... Ну и к черту эти замшелые условности, на дворе новый век!

– Миссис Роше, – твердо произнес Маккензи, чуть нагибаясь вперед, – позвольте предложить вам руку.

– О, сэр, не стоит... – отозвался Батлер, – мы еще вполне...

– На улице дождь, – произнес Маккензи, – вы устали, позвольте, я провожу вас к улице и поймаю для вас кэб. Обратный путь к дому Макгрегоров довольно долг.

Батлер замаялся, черты его лица огрубели, приобретя выражение крайнего упрямства, но в тот же миг миссис Роше протянула руку и с явным облегчением взяла молодого ученого под локоть.

– Благодарю вас, сэр Томас, – выдохнула она, глядя на него снизу вверх.

– Не стоит благодарностей, мэм, – беспечно отозвался Томас, перекладывая зонт в левую руку, так, чтобы он прикрывал от дождя его спутницу. – Я всего лишь ученик профессора, а не пэр Совета Лордов.

Батлер, потерянно стоявший рядом, медленно расправил плечи, вернув себе почти военную выправку, и почтительно наклонил голову, отдавая должное благородному порыву молодого ученого.

– Пойдемте, – мягко предложил Маккензи. – Надо поскорее добраться до кэба. Дождь все усиливается.

В подтверждение его слов, вода с неба хлынула мутным потоком, словно небеса выплеснули все, что копили в себе с самого утра. Взглянув вверх, Маккензи непроизвольно

поежился – низкие свинцовые тучи нависали над городом, затягивая в себя дымы каминов и темные облака из фабричных труб. Вдалеке, над центром, по небу плыло огромное веретено пассажирского дирижабля – черная, блестящая от влаги туша, почти неотличимая от дождевых туч. Косые серые струи хлестали по остроконечной крыше аббатства, что возносилась к самым тучам, ручьями стекали по каменным стенам, с грохотом проносясь по жестяным желобам.

Томас нахмурился, сделал первый шаг, увлекая за собой пожилую экономку. Управляющий двинулся следом.

– Мистер Батлер, – позвал Маккензи, не отводя взгляда от луж под ногами. – Скажите, у профессора остались родственники, которым я мог бы выразить свои соболезнования?

– Увы, – немедленно отозвался управляющий. – В Лонбургском доме больше никого нет. Из родственников у профессора осталась только семья его покойного брата – Эвелин и Эмма Макгрегоры. Они живут на севере, в Нирском графстве. Они давно не общались с профессором, но я слышал, что племянница иногда бывает в Лонбурге. Сэр Себастьян как-то упоминал, что собирается оказать ей протекцию для поступления в один из колледжей. Но в нашем доме юная Эмма не появлялась с самого детства.

– Печально слышать, – медленно произнес Маккензи, осторожно вышагивая по траве, стараясь приноровиться к медленным шагам своей спутницы, сжимавшей его локоть. – Но что же теперь будет с домом Макгрегоров?

– Мы присмотрим за ним, – с печалью в голосе отозвался Батлер. – Я уже отправил телеграмму в Нир. Я слышал, что Эвелин управляет большим имением, доставшимся от отца, и полностью погружена в ежедневные заботы. Она уже не молода, а Эмма – поздний ребенок – еще слишком юна. Не знаю, хватит ли у них сил заботиться еще и о Лонбургском доме. В любом случае, надо дожидаться, когда вскрыют завещание профессора.

– Завещание? – Томас покачал головой. – И когда же?

– Думаю, завтра, – отозвался Батлер. – Мистер Ноб, поверенный профессора, уже заходил к нам перед похоронами. Он сказал, что поскольку ближайших родственников не осталось, вряд ли возникнут какие-то споры. Поэтому он полон решимости как можно скорее разобратся с этим делом.

– На редкость торопливый человек для крючкотвора, – подала голос миссис Роше, – не терпит промедлений.

Маккензи бросил взгляд вперед – до решетчатых ворот, ведущих на улицу Клампхилл, оставалось метров сто, не больше. И он уже отсюда видел черный навес кэба, – кто-то из них всегда дежурил у кладбища.

– Сегодня все происходит слишком быстро, – пробормотал он, чтобы поддержать разговор. – Я едва успел на похороны.

– Полиция, – с неожиданным презрением проговорил Батлер. – Это они устроили эту спешку. Сказали, что не могут вечно держать у себя в морге мертвого Макгрегора. Мерзавцы! Так прямо и сказали!

– О! – Томас бросил удивленный взгляд на управляющего. – А как же тело сэра Себастьяна попало в полицейский морг?

– Я вызвал полицию, – прямо сказал управляющий. – Сразу же, после того как нашел мистера Макгрегора. А дальше уж всем заправляли они.

– Полицию? – Маккензи замедлил шаги, даже не замечая, что шлепает по луже. – Но зачем?

– Роджер, – тихо позвала миссис Роше и в ее голосе прозвучали нотки тревоги. – Роджер!

Взгляд управляющего отвердел, скулы напряглись, словно Батлер стиснул зубы, пытаясь удержать рвущиеся слова. На его старческом лице появилось уже знакомое Томасу выражение упрямства.

– Я вызвал полицию, – тихо произнес он. – Потому что сэра Себастьяна, несомненно, убили в его собственном кабинете.

– О! – воскликнул пораженный Томас, поворачиваясь к управляющему. – Что вы такое говорите, мистер Батлер! Разве, это был не сердечный приступ?

– Вовсе нет, – отрезал управляющий. – Чтобы не говорили эти полицейские ищейки, это вовсе не несчастный случай.

– Перестань, Роджер, – зашептала экономка. – Хватит уже этих фантазий!

Томас оглянулся по сторонам, пытаясь понять, слышал ли это кто-то еще. Но на кладбище и здесь, у ворот, было пусто. Ему на мгновение вспомнился жаркий шепот испуганного до смерти Хиллмана, и Томас тут же устыдился. Он же не такой безумец, как несчастный Роберт. Инженер Маккензи выше таких глупостей, конечно. Но в кончине самого профессора и в его поспешных похоронах, действительно, есть какая-то странность. А уж участие в деле полиции...

– Миссис Роше, Роджер, – твердо произнес Маккензи. – Позвольте мне проводить вас до самого дома. Боюсь, что не могу бросить вас здесь, так далеко от Паркового Острова.

Миссис Роше испуганно забормотала слова вежливого отказа, но Томас уже призывно вскинул руку, надеясь, что ближайший кэбман заметит его жест и сквозь решетчатые ворота аббатства. Так и вышло – не успел молодой ученый опустить руку, как из пелены дождя выдвинулась темная громада кэба с желтым огоньком фонаря.

– Роджер, я отвезу вас домой, – решительно произнес Маккензи. – А вы мне расскажете все, что знаете.

Батлер медленно повернул к молодому ученому седую голову, вздохнул, и с достоинством кивнул, признавая заключение сделки.

– 4 —

Чай был обжигающе горяч, и Маккензи осторожно вернул хрупкую фарфоровую чашку обратно на блюдце. Не выпуская из пальцев ручку с игривыми завитками, молодой ученый поднял взгляд и с деланным равнодушием принялся разглядывать огромные напольные часы, возвышавшиеся у входа на кухню. Ящик из красного бангалорского дерева был отделан блестящей медью. Завитки, бляшки, странные символы – все это сверкало так, словно было надраено трудолюбивым матросом флота Его Императорского Величества.

Роджер Батлер сидел напротив гостя, перед ним на столе красовалась чашка с черным чаем, распространявшим терпкий аромат. Управляющий сидел ровно, расправив плечи, как на строевом смотре. Его взгляд был устремлен на белоснежную скатерть, а мысли, судя по задумчивому выражению лица, витали где-то далеко. Томас не торопил старика, не пытался завести разговор первым, чтобы не входить за рамки приличия.

Всю дорогу до дома Макгрегоров они молчали. В кэбе было холодно и сыро, да и тряска не располагала к разговорам. Когда же они добрались до кухни, дело взяла в свои руки миссис Роше – без долгих разговоров она усадила мужчин пить горячий чай, а сама так и осталась хлопотать у плиты. И сейчас, в сотый раз смахивая несуществующую пыль с полок, и без особой нужды переставляя с места на место пустые чашки, она бросала тревожные взгляды на управляющего.

– Полагаю, я должен дать некоторые пояснения, сэр, – наконец произнес Батлер, поднимая взгляд выцветших глаз на гостя. – Прошу простить мне некоторое неподобающее волнение, проявленное мной на кладбище.

– Ничего страшного, Роджер, – мягко ответил Томас, – в этот тяжелый день мы все испытываем волнение.

– Мы очень благодарны вам, сэр Томас, за вашу помощь, – продолжал управляющий, не отводя взгляда от гостя. – Но больше всего благодарны за ваше внимание, что вы оказываете этому дому. Увы, как видите, мало кто в сей скорбный день вспомнил о существовании дома Макгрегоров.

– Уверен, что в этом виновата лишь внезапность произошедшего, – заметил Маккензи. – Я и сам узнал о похоронах совершенно случайно.

– Пусть так, – признал Батлер, устремив укоризненный взгляд на часы, словно они были виноваты в стремительном течении времени. – Но все же, ваше внимание очень. Я расскажу вам, все что знаю. Поймите меня правильно, сэр. Я не жалуюсь. Просто уверен, что это должен кто-то знать.

– Конечно, конечно, – подхватил Маккензи, подавшись вперед так, что коснулся заложенной за ворот салфеткой края стола. – Я весь во внимании. Как я понимаю, вы заметили некоторые странности. Что же произошло?

– Вчера, около одиннадцати вечера, – сухим, надтреснутым голосом произнес управляющий. – Мы как всегда собирались подавать ночной чай профессору. Я постучал в дверь его рабочего кабинета, но сэр Себастьян не ответил. Я постучал еще раз, а потом, с удивлением, обнаружил, что дверь заперта изнутри.

Управляющий прикрыл глаза, его плечи поникли, словно он заново переживал события вчерашнего дня. Томас, весь обратившийся в слух, с трудом поборол желание поторопить Батлера. Вместо этого он поднял свою чашку и сделал добрый глоток горячего чая.

– Миссис Роше поднялась к дверям, – медленно продолжил Роджер, не открывая глаз. – И напонила, что у меня, как у управляющего, хранятся ключи от всех помещений дома. Я спустился за ключами, выбрал нужный и вернулся к запертым дверям. Замок открылся легко. Когда мы вошли в кабинет, то увидели, что профессор сидит в своем кресле, за столом, около окна. Он сидел к нам спиной, сначала я даже не понял...

Глаза управляющего широко открылись, и судорога свела его лицо. Тонкие, старческие губы сжались в бесцветную полоску, на скулах заходили желваки. Медленно выдохнув, Батлер поднял свою чашку и сделал большой глоток. Потом осторожно вернул ее на блюдце, и, словно ничего и не произошло, продолжил:

– Профессор Макгрегор сидел в своем кресле, запрокинув голову и устремив взгляд к потолку. Я знал, что здоровье сэра Себастьяна оставляет желать лучшего, и потому сразу проверил пульс, опасаясь, что его разбил паралич от лопнувшей в голове жилы. Увы. Пульса не было. Сэр Себастьян был мертв.

Управляющий, не в силах справиться с эмоциями, вновь приник к чашке с чаем. Томас, зачарованный сухим рассказом бросил взгляд на экономку. Та стояла у плиты, прижав руки к груди, пачкая сажей белоснежный передник. По ее лицу текли слезы, оставляя мокрые следы на сухих старческих щеках. Заметив взгляд гостя, миссис Роше тут же отвернулась, сделав вид, что протирает пыль с резных дверок кухонного комода. Томас устремил виноватый взгляд на управляющего, но тот, казалось, ничего и не заметил.

– Сэр Себастьян был мертв, – хрипло продолжил он. – Поборов первую вспышку чувств, я подумал о том, что нужно срочно вызвать врача, мистера Снорри, что всегда лечил профессора. Необходимо было сделать все по правилам. Но потом, я вдруг заметил одну странность.

Батлер, словно набираясь храбрости, одним глотком прикончил чашку чая – будто стакан виски – и Томас вновь подался вперед, бесцеремонно залезая локтями на стол.

– Левая рука профессора была вся в крови, – выдохнул управляющий. – Большой порез на запястье и мелкие порезы на пальцах. Рукав его халата насквозь промок от крови, и я запачкал в ней свои руки. И вот тогда... Тогда я решил, что пора вызвать полицию.

Томас откинулся обратно на резную спинку стула, стараясь скрыть разочарование. Порезы! Он ожидал услышать минимум о кривом бангалорском кинжале в груди несчастного профессора, а тут какие-то порезы.

– Подождите, – спохватился Томас. – Так от чего, вы говорите, скончался профессор?

Батлер, уставившийся на опустевшую чашку, словно не слыша вопроса гостя, продолжил рассказ.

– Я перешел через мост и обратился к полисмену, что всегда дежурит на углу Персиковой и Таун. Он свистком подозвал своего напарника с соседнего поста, и отправил его в участок. А сам пошел со мной. На улице мы встретили бродяжку и я отправил его к доктору Снорри с печальным известием, так что нам пришлось задержаться. Кроме того, хожу я медленно, да и волнения этой ночи меня заметно подкосили. Прямо у дома нас обогнала полицейская коляска из участка. Прямо удивительно, как нынче быстро работает полиция. К тому времени как я вошел в дом, в нем были уже трое полицейских и сержант, дежуривший в ту ночь в участке.

– Они сразу же отправились в кабинет, – сухо произнесла миссис Роше. – А мистеру Батлеру пришлось немного посидеть в прихожей.

– Как только я смог, то сразу же поднялся в кабинет, – сердито перебил экономку управляющий, упрямо расправляя плечи. – Полицейские дежурили у дверей, а сержант осматривал сэра Себастьяна. Увидев меня, он принялся расспрашивать обо всем, что происходило в доме. Оказалось, что по дороге к дому он успел послать вестового за инспектором в центральное управление и за врачом. Едва я успел закончить свой рассказ, как появились мистер Снорри и инспектор из Центрального Управления Полиции, что сразу же взял все в свои руки.

– Очень неприятный тип, – сухо произнесла экономка, – распоряжался здесь, как у себя дома.

– Нас просто выставили из кабинета, – с горечью воскликнул Роджер. – Мы остались на кухне и вышли только когда тело сэра Себастьяна уже выносили из дома. Мистер Снорри любезно согласился сказать нам пару слов, тогда как этот грубиян из управления даже не остановился.

– И что же сказал врач? – быстро спросил Томас, уже не скрывая своего любопытства. – От чего же умер профессор?

– Мистер Снорри сказал, что у него остановилось сердце, – сумрачно сообщил Роджер. – Он сказал... Сказал, что профессор порезался осколками пробирки, содержавшей яд. И добавил, что нашел осколки на полу, около кресла, и теперь полиция забирает их для исследования.

– Так, получается, это был несчастный случай? – искренне ужаснулся Томас. – Просто эксперимент, что так неудачно закончился...

– В этом и странность! – воскликнул управляющий. – Сэр Себастьян никогда не работал с опасными веществами дома, и не держал ядов у себя в кабинете!

– Ну, может быть, это был особый эксперимент, – протянул Томас, вспоминая безумца Хиллмана, – что-то такое, что следовало держать в секрете, тайная работа...

– Профессор не работал дома с опасными веществами, – отрезал Батлер. – Для этого у него была прекрасная лаборатория в Университете. И он всегда был очень аккуратен, очень. Сэр Себастьян никогда бы не стал работать с чем-то опасным, после рабочего дня, уставшим и не выпавшимся.

– Да, наверное, так, – вежливо заметил Маккензи, припоминая, сколько бессонных ночей он провел в своем кабинете, смешивая кислоты для протравки медных проводов. – Хотя яд мог содержаться в чем-то другом.

– Нет, – Батлер покачал головой. – Я бы знал. Профессор часто поручал мне покупать ингредиенты для его исследований. Не помню, что бы я покупал яд, способный остановить сердце. И оставить порезы на руках.

– Понимаю, – мягко сказал Томас, подумывая, как бы свернуть на более безопасную тему, – а кто же организовал похороны?

– Мистер Ноб, поверенный в делах профессора, – сказала миссис Роше. – Он пришел рано утром и сразу же сказал, что у него уже есть договоренность с аббатством Клампхилл.

– Так быстро? – удивился Томас. – Просто удивительно.

– Все было оговорено заранее, – признался управляющий. – Здоровье сэра Себастьяна заметно ухудшилось в последнее время. А все его семья похоронена на кладбище при аббатстве. Поэтому он заранее оставил распоряжения поверенному. Он хотел после кончины быть со своими родными.

– Нет, я о другом, – быстро произнес Томас. – Я о том, что полиция так быстро, к утру, заполнила все свои бумаги.

– О, как раз они и порекомендовали мистеру Нобу не тянуть с похоронами, – произнес Батлер. – Сказали что бумажной работы еще на неделю и не стоит ждать пока тело начнет... В общем, они опечатали кабинет профессора и велели нам дожидаться конца следствия.

– Полагаю, оно не затянется, – с горечью в голосе заметила экономка. – Они уже все решили.

– Сэр Томас, – с чувством произнес управляющий, – поверьте, я и миссис Роше знаем профессора Макгрегора уже долгие годы. Мы уверены, что здесь что-то не так.

– Я понимаю, – вежливо произнес Томас, поглядывая на огромные часы. – Надеюсь, что полиция во всем разберется, ведь расследование еще продолжается.

– Мы тоже надеемся на это, сэр, – отозвался управляющий. – Надежда на правду, это все, что у нас осталось.

Маккензи поднял голову и взглянул на пожилую пару, застывшую на этой огромной и пустой кухне, которой больше не суждено обслуживать большую дружную семью. Томас увидел двух стариков, потерявших все, что у них было, и обреченных доживать свой век в неизбывной печали и тоске. Возможно, правда о смерти профессора и оставалась тем единственным спасательным кругом, что поддерживал их на плаву. Им просто нужно было что-то, ради чего еще стоило жить.

– Я очень надеюсь, что полиция по всем разберется, – с нажимом повторил Томас, поднимаясь из-за стола. – Но сейчас время близится к ночи, уже стемнело, и я не могу долее злоупотреблять вашим гостеприимством.

– Конечно, сэр Томас, – спохватился управляющий, поднимаясь на ноги. – Мы просим прощения, что отобрали у вас столько драгоценного времени.

– Ничего страшного, – отмахнулся Томас, запуская пару пальцев в жилетный карман. – Я буду внимательно следить за этим... печальным событием. Вот.

Протянув руку над столом, он протянул управляющему свою визитную карточку, отпечатанную в типографии Бэнкса, с традиционными для них завитками и золотым тиснением.

– Там есть и мой нынешний адрес для корреспонденции, – сообщил Томас. – Пожалуйста, если что-то прояснится, дайте мне знать.

– Разумеется, сэр Томас, – произнес Батлер, с достоинством принимая карточку. – Мы обязательно вас известим.

Маккензи осторожно положил салфетку на стол, вежливо склонил голову, отдавая должное хозяйке кухни, и вышел в холл. Батлер проводил гостя до дверей, привычно подал ему плащ, цилиндр и зонт, открыл двери и вышел во двор.

У калитки, ведущей на улицу, Томас на секунду замешкался, не зная, что такого ободряющего сказать на прощанье старому управляющему.

– Надеюсь, вы найдете, что ищите, – сказал он, наконец, – прощайте, мистер Батлер.

– Храни вас бог, сэр Томас, вы истинный джентльмен, – отозвался управляющий, открывая калитку. – Прошу простить нас, если мы показались слишком навязчивыми.

Томас вежливо коснулся края цилиндра и вышел в темноту, на брусчатую мостовую. Он знал, что здесь, на Парковом Острове, ему не поймать кэба и придется прогуляться пешком до моста. А там, за ним, пройти еще пару кварталов до недавно открывшегося театра Миельди. Уж там то должно быть много кэбов.

Сумерки осени уже окутали город, но газовые фонари еще не зажглись, и это Томаса не слишком радовало, ведь брести по лужам в темноте не самое приятное занятие. Но была и хорошая новость, – дождь, наконец, кончился. Сэр Томас Маккензи кивнул сам себе и двинулся прочь, в темноту, используя длинный зонт вместо обычной трости.

– 5 –

Неторопливая прогулка по ночному Лонбургу обернулась сущим проклятьем. Томас, надеявшийся, что размеренные шаги по мостовой успокоят его воображение, разыгравшееся после беседы с управляющим Макгрегоров, сильно ошибся. Чем больше он думал о смерти профессора, тем сильнее волновался. Рассказ Батлера глубоко запал ему в душу, и хотя вся история была на редкость нелогичной, Томас, вопреки собственным убеждениям, был вынужден признать, что в кабинете Макгрегора произошло нечто странное. И он боялся, что теперь не уснет, потратив всю ночь на обдумывание глупых измышлений Хиллмана и намеков Батлера. Кроме того, Маккензи обнаружил, что его плащ так и не просох, и холодит плечи не хуже мокрого одеяла. Ботинки, вымокшие в лужах на кладбище, давно уже стискивали его бедные ступни ледяными оковами, что не добавляло приятности прогулке по сырому, холодному и темному району Лонбурга.

К тому времени, как Томас добрался до театра Миельди, он успел проголодаться, замерзнуть, и прийти в состояние крайнего раздражения. Дорога заняла больше времени, чем он предполагал, – темнота окутала дома плотным сырым одеялом, а на тротуарах зажглись мутные пятна газовых фонарей.

Предвкушая скорое избавление от мокрых сумерек, Томас свернул на развилке направо, увернувшись от одинокого, спешащего по своим делам прохожего, и направился вглубь квартала, к крохотной площади, где он побывал в прошлом месяце. Там, за двумя высокими домами располагался большой задний двор, походивший на площадь. В этом укромном уголке, на первом этаже жилого здания, располагался ресторан Изотто, что обанкротился еще в начале года. Спустя пару месяцев этот большой зал выкупила труппа бродячих артистов во главе с их управляющим – Миельди – и устроила в бывшем ресторане театр, за считанные дни ставший весьма модным, впрочем, как и любое новое начинание в Лонбурге. Томас, всего раз побывавший здесь с коллегами из Колледжа, прекрасно помнил вереницу кэбов, с трудом умещающуюся в этом закутке.

Но сегодня ему не повезло – это Томас понял, едва свернул в проулок, ведущий на задний двор. Кэбов здесь не оказалось, да и весь двор был пуст. Вывеска театра на месте, над огромными дверьми, но сами створки плотно закрыты, огня в окнах нет. Похоже, театр закрылся и довольно давно.

Томас, добравшийся до середины двора, процедил сдержанное проклятие в адрес модных клоунов. Чувствовал он себя препаршиво – весь вымок, устал, проголодался, и понятия не имел, как выбраться из этого района.

Медленно вдохнув тяжелый ночной воздух, что пах гудроном и лошадиным навозом, Маккензи постарался успокоиться. Просто тяжелый день, и только. Немного шалют нервы, что не удивительно, учитывая события дня. И весь этот город, днем серый от дождя и дыма, а ночью серый от рассеянного света тусклых фонарей... Он дурно влиял на нервы. Определенно, вскоре придется взять отпуск и отправиться в небольшое путешествие, чтобы развеяться. Это пойдет

на пользу нервам и, несомненно, здоровью в целом, подорванному парами кислот, вечным угольным дымом и смрадом от заводов.

Успокоившись, Томас оглядел пустой и темный двор, развернулся, и прислушался. Здесь, за домами, было довольно тихо. Прохожих нет, но где-то в домах звенела посуда, шелестели разговоры, где-то вдалеке рычал пес. Ученый обернулся, пытаясь уловить знакомые нотки мелодии ночного города. Здесь, в каменном колодце, было плохо слышно звуки улиц, но все же Томас слышал то, что хотел. Где-то на Таре сопел паровой двигатель проплывающего катера, с окраин доносился рокот ночных фабрик и, о чудо, откуда-то из-за дома доносился цокот копыт о брусчатку. Именно то, что нужно.

Приободрившись, Маккензи подхватил свой зонт и устремился в черный проулок, ведущий между домами, расположенный в стороне от основного входа. По идее, этот путь должен был вывести обратно к набережной Тары, откуда, как подозревал Томас, и доносились звуки копыт.

Нырнув в темноту переулка, Маккензи через пару шагов пожалел о своем поступке. Здесь пахло гнилью, под ногами шуршало что-то омерзительно мягкое, а темно было тут как в полночь в шкафу гробовщика. Высокие каменные стены были лишены окон, и лишь далеко впереди брезжил свет, вероятно, от фонарей набережной. Сделав еще пару шагов, уже не столь уверенных как раньше, Томас остановился, критически разглядывая предстоящий путь. Да, здесь было чертовски темно, но все же света хватало, чтобы разобрать мусорные кучи, дохотившие молодому ученому до колен. Содрогнувшись, Томас представил, как он пробирается по этой грязи, вываливается на набережную, растрепанный, пахнущий гнилью, отлепляет от плаща омерзительную дрянь, пытается очистить ботинки... Сдавленно хмыкнув, Томас резко развернулся и пошел обратно, к площади, решив вернуться на набережную тем же путем, каким пришел.

Но он не успел и шага сделать – в грудь ударило что-то тяжелое и Томас, сбитый с ног, отлетел к стене. Хлопнувшись спиной о каменную кладку, он замахал руками, пытаясь сохранить равновесие, и тут же на него набросились двое, вынырнувших из темноты переулка, как чертики из табачной коробки.

Не успел Маккензи даже охнуть, как нападавшие ухватили его за руки, и прижали спиной к стене, распластав ученого по камням.

– Что за... – прохрипел Маккензи, пытаясь выдернуть правую руку из захвата.

Тяжелая шершавая ладонь хлопнула его по губам и зажала рот, превратив вопрос Томаса в негодующее мычание. Он завертелся, пытаясь вырваться из рук негодяев, но силы были явно неравны. В призрачных отсветах фонарей Маккензи удалось разобрать, что его противники крепкие плечистые мужчины, напоминавшие грузчиков из доков. И, судя по их хватке, им было не впервой держать жертву. Томас из чистого упрямства рванулся вперед, пытаясь отлепиться от стены, но здоровяк, стоявший слева, положил конец потасовке – его огромный, как гиря, кулак, коротко ткнулся в живот ученого. Маккензи задохнулся, и беспомощно обвис в руках бандитов пытаясь втянуть хоть немного воздуха широко раскрытым ртом.

Холодная узкая ладонь обхватила подбородок Томаса, потянула вверх, и ученый встретился взглядом с третьим человеком, стоявшим прямо напротив него. Этот не выглядел громилей – скорее, напоминал жулика, собирающего ставки на гонках парокатов. Высокий, тощий, в черном плаще и черном же котелке. В полутьме переулка Томас не смог рассмотреть его лицо, заметил лишь пышные черные усы. Та же темнота мешала и бандиту – он, крепко ухватив подбородок ученого, приподнял его голову и потянул в сторону, рассматривая искаженное гримасой боли лицо. Томас, беспомощно болтавшийся в руках громил не мог воспрепятствовать этой унижительной процедуре, лишь протестующее замычал, набирая сил для крика.

Тощий жулик, удовлетворившись результатами осмотра, сдержанно кивнул и разжал пальцы. Томас не опустил голову – уставившись в глаза подонку, он собрался высказать все, что

думает об этом подлом нападении, но слова сами замерли на языке, когда он услышал звонкий щелчок. Прямо перед глазами Маккензи появилось длинное лезвие пружинного ножа, тускло сверкнувшее в отблесках фонарей, и ученый невольно подался назад, вжимаясь в стену.

– Забирайте все, – прохрипел он, собирая в кулак остатки смелости. – И проваливайте!

Один из здоровяков хмыкнул, но их главарь и вида не подал. Не отводя настороженного взгляда от лица жертвы, он сделал шаг вперед, отвел руку с ножом, его глаза блеснули... И в тот же миг, когда Томас попрощался с жизнью, в темноте переулка что-то глухо свистнуло.

Темный предмет, напоминавший каретный фонарь, со всего маху хлопнулся о голову жулика, и тот, вскрикнув от боли, рухнул в кучу мусора прямо у ног Томаса. Громилы отреагировали мгновенно – отпустили свою жертву и разом бросились в темноту, туда, где маячила темная фигура, швырнувшая старый фонарь, найденный, вероятно, в ближайшей мусорной куче.

Ноги ученого подкосились, он съехал спиной по стене и сел прямо на землю, не в силах отвести взгляд от внезапной схватки, развернувшейся в узком переулке. Спаситель Томаса оказался невысоким мужчиной в длинном плаще и черной же фетровой шляпе. Он немного уступал в комплекции обоим бандитам, но без трепета встретил их атаку, выставив вперед кулаки.

Темнота мешала Томасу разобрать детали схватки, но увидел он достаточно. Его спаситель, увернувшись от лап первого громилы вдруг вскинул ногу, и ударил сапогом прямо в живот нападавшему. Тот отлетел назад, упал на колени, и, прижимая руки к животу, замычал как раненный бык. От второго бандита герою увернуться не удалось – они облапили друг друга и затоптались на месте, как борцы из деревенского цирка. Но долго это не продлилось, на глазах пораженного ученого, его спаситель выдернул левую руку из захвата и отвесил отличный хук своему противнику. Его голова мотнулась, кепка слетела на землю, явив заметную лысину, но героя это не остановило – он нанес еще один удар, и еще, и еще... Зашатавшийся бандит упал на колени, а спаситель Томаса продолжал охаживать его, как боксер грушу, так и не отпустив схваченной руки.

Заслышав стон, Томас с трудом оторвал взгляд от завораживающего зрелища и вовремя – поверженный фонарем жулик как раз поднимался из кучи мусора. Цедя проклятия, он встал на колени, очутившись в шаге от Томаса, но при этом не обращая на бывшую жертву никакого внимания. Его сверкавшие глаза были прикованы к схватке, развернувшейся у входа в переулок. Смахнув со щеки кровь, сочившуюся из разбитой головы, усатый бандит сунул руку в карман плаща, а потом резко вытянул ее в сторону сражавшихся. Томас, увидев тусклый блеск в руке бандита, затаил дыхание. Он увидел крохотный пороховой пистолет с двумя стволами – карманный револьвер.

Маккензи, переполненный яростью, не раздумывал ни секунды – подхватив с земли свой зонт, он вскинул его и с размаху рубанул по руке бандита. Как утверждал учитель фехтования в пансионе, этот удар должен был отрубить кисть врагу – при условии, что у вас достаточно острое оружие. Зонт, увы, нельзя было назвать острым, поэтому он с хрустом переломился о запястье бандита, но этого вполне хватило – выстрел громом раскатился в переулке, маленькая пуля со звоном ударила в мостовую, а сам револьвер вылетел из руки бандита и нырнул в недра ближайшей мусорной кучи.

Усатый бандит с воплем схватился за запястье, обернулся к Томасу, в ярости оскалив желтые от табака зубы. Ученый отпрянул, вжимаясь спиной в стену, но бандит, бросив взгляд в сторону, вскочил на ноги. Томас, поднявший зонт для нового удара, проводил его изумленным взглядом – жулик рванул прочь по переулку, резво перепрыгивая мусорные кучи, не хуже скакуна на стипль-чейзе. Не успел Томас опустить зонт, как прямо через него перепрыгнул громила и устремился следом за усатым жуликом, все еще прижимая руку к животу.

Пораженный Томас резко обернулся, и увидел причину столь экстренного отступления врага. Ей оказался, как и следовало ожидать, его неведомый спаситель. Он стоял посреди переулочка над громилой потерявшим сознание от его ударов, и сжимал в руке нож. Или, скорее, меч.

Приподнявшись, Маккензи с изумлением уставился на оружие своего спасителя. Он напоминал огромный мясницкий нож в локоть длиной, и при этом был немного изогнут посередине. Только через миг, Томас догадался, что это легендарный бангалорский клинок, оружие восставших горцев. Такой штукой можно было без проблем снести врагу голову с плеч, если действовать умело. Неудивительно, что бандиты задали стрелка – спаситель Томаса держал свое оружие уверенно, и производил впечатление человека знавшего, как им пользоваться.

Пока ученый разглядывал страшный нож, его спаситель подошел ближе и наклонился над сидевшим в мусоре Томасом.

– С вами все в порядке, сэр? – хриплым голосом осведомился он.

– Э, – отозвался Томас, переводя взгляд с ножа на лицо своего спасителя, – кажется, да.

На вид ему было около тридцати. Скорее он был старше самого Томаса на пару лет, не больше того. Его худое лицо выглядело немного вытянутым, лошадиным, как было принято говорить в Колледже. Оно оказалось чисто выбритым, немного загорелым, а узкие полоски аккуратных бакенбард, доходивших лишь до уха, лишь подчеркивали его. Небольшие, но выразительные глаза смотрели спокойно, словно и не было никакой смертельной схватки в переулочке. В целом, спаситель Томаса производил впечатление человека бывалого, опытного, потребляющего омлет из городских жуликов на завтрак. Ежедневно.

Спаситель Томаса, заметив изучающий взгляд ученого, улыбнулся уголками рта и протянул руку. Маккензи с благодарностью ее принял, и с помощью нового знакомого поднялся на ноги.

– Позвольте вас поблагодарить, сэр, – спохватился он, отбрасывая сломанный зонт. – Ваше крайне своевременное вмешательство, судя по всему, спасло мне жизнь!

– Не стоит благодарностей, – отозвался спаситель, в свою очередь осматривая нового знакомого. – Ваш рубящий удар сверху был великолепен и тоже пришелся весьма к месту.

– Позвольте представиться, Томас Маккензи, аспирант Колледжа Механики, – представился Томас, поднимая руку к цилиндру и только сейчас понимая, что тот давно валяется где-то в горах мусора.

Над улицей, совсем рядом, раздалась пронзительная трель полицейского свистка, и спаситель Томаса откровенно ухмыльнулся.

– Услуга за услугу, сэр Томас, – сказал он, бросая взгляд назад, на тело громилы. – Когда вы встретите полицейских, соизволивших, наконец, обратить внимание на стрельбу, не упоминайте обо мне, ладно? У меня еще есть планы на вечер и не хотелось бы провести его в полицейском участке, давая показания этим остолопам.

– Что ж, очень хорошо, – немного растеряно отозвался Томас. – Но что же мне сказать в таком случае...

– Скажите, что бандиты поссорились и подрались из-за ваших часов, – ответил молодой человек и ловко, одним движением выудил из жилетного кармана ученого его часы.

Одним ловким движением он бесцеремонно оборвал цепочку и швырнул золоченый брегет прямо в мусор, под ноги его хозяину. Пока изумленный Маккензи рассматривал свои часы на земле, его спаситель небрежным жестом изобразил военный салют и быстро пошел вперед по переулочку – следом за сбежавшими бандитами.

Растерявшийся Томас посмотрел вслед загадочному незнакомцу, потом подобрал часы и, чуть пошатываясь, побрел к выходу из переулочка навстречу трелям полицейских свистков.

Маккензи понятия не имел, почему его спаситель не хочет иметь дела с полицией, но выяснять этого не собирался. Услуга за услугу – это джентльменское соглашение.

— 6 —

К завтраку Томас спустился позже обычного, – Мэри Финниган уже не было за столом, а Эндрю, полностью погруженный в чтение очередного газетного разворота, допивал чай. поприветствовав его, ученый устроился на своем месте у окна и мрачно уставился на остывшие тосты. Вопреки обыкновенному распорядку дня, Маккензи провалялся в постели до самого завтрака, и был крайне недоволен собой. Он и к завтраку то поднялся с трудом, едва успев привести себя в порядок, чтобы не появляться за столом в неподобающем виде. Увы, особого выбора сегодня у него не было – полночи Томас вертелся в своей узенькой постели, переживая события минувшего дня, и смог уснуть только под утро.

Причины для переживаний были весьма уважительные. Весь вечер он провел в полицейском участке на Улице Пекарей, рассказывая о странном нападении седовласому сержанту, крайне недовольному тем, что к нему в руки попал избитый до полусмерти грабитель, не способный дать никаких объяснений. От безвыходности полицейские принялись за Томаса, засыпая его глупейшими вопросами, заставив Томаса почувствовать себя не жертвой, а организатором нападения. Через час подобных разговоров, Маккензи был готов полностью согласиться со словами неведомого спасителя, назвавших полицейских остолопами.

Вырвавшись, наконец, из полицейского участка, Маккензи поймал кэб и отправился домой. Избитый, грязный, замерзший и голодный, он думал, что это худший день в его жизни – не считая, конечно, того, когда ему сообщили, что его родители погибли в Бангалоре во время осады форта Саммера восставшими горцами.

В итоге, к Финниганам он прибыл в крайне раздраженном состоянии. К счастью Мэри все еще занималась выпечкой, печь была растоплена, и Томас быстро получил достаточно горячей воды, чтобы устроить купание в медной ванне.

Отправляясь в постель, он надеялся, что его усталость, навалившаяся свинцовым грузом на плечи, позволит ему уснуть мертвецким сном до самого утра. Увы, он ошибался. Перед глазами уткнувшегося в отсыревшую подушку Томаса вставал то безумец Хиллман, бормотавший о проклятиях, то покойный профессор, укоризненно качавшей головой, то его управляющий, вещающий о ядах...

Маккензи был готов признать, что в смерти профессора есть некоторые странности, а в его поспешных похоронах их еще больше. Томас долго уговаривал сам себя, что ему нет до этого никакого дела, и этим должна заниматься полиция. Но после часа проведенного в участке, и близкого знакомства с работой полисменов, у него начало закрадываться подозрение, что от этих остолопов и в самом деле нельзя ждать сложных логических построений. В конце концов, ему удалось убедить себя, что странностями должны заниматься все-таки специально обученные люди, а смерть известного профессора не пройдет мимо инспекторов Центрального Управления Полиции Лонбурга, где, вероятно, работники более сообразительны, чем престарелые сержанты в городских участках. Все казалось логичным, но и теперь Томас не смог уснуть. Кое-что беспокоило сильнее, чем подозрительная смерть Макгрегора, а именно – уязвленное самолюбие.

Томас никогда не считал себя бойцом и воином. Наоборот, к драчунам он относился свысока, полагая, что в нынешний век технического прогресса и науки любой конфликт может быть разрешен путем переговоров. Так же он считал, что любая агрессия есть путь хаоса и разрушения, никак не вписывающаяся в картину сверкающего будущего человечества. И что рукомашеством занимаются лишь глупые, необразованные люди, неспособные найти в себе и крупицы человечности.

Пара тумачков, полученных от шпаны в темном переулке, заставили Маккензи пересмотреть свои взгляды. Он почувствовал себя полным ничтожеством, когда осознал, что не смог даже дать достойный отпор ночным грабителям. Они, несомненно, прирезали бы его как

барана на бойне, легко и непринужденно, мимоходом, обмениваясь шуточками самого низкого пошиба. Это было... крайне унижительно. И валясь без сна в холодной постели, Томас чувствовал, как его щеки пылают от стыда за собственную беспомощность.

Нельзя сказать, чтобы он был совсем уж беспомощным. В пансионе, где Томас провел все детство после смерти родителей, во время уроков фехтования, он частенько удостаивался похвалы инструктора Ллойда – старого полкового учителя фехтования, дававшего когда-то уроки юношам, отправлявшимся в Бангалор на смену отцам. Развитие порохового оружия и артиллерии похоронило высокое искусство фехтования, как признавал и сам учитель. Тем не менее, упражнения вырабатывали у учеников силу, гибкость, выносливость и волю к победе – как считало руководство пансиона. Томас не был с этим согласен, занимался небрежно, нехотя, уделяя все свои силы изучению наук, хотя, по словам Ллойда имел некоторый талант к фехтованию. И вот сегодня, как никогда, Томас жалел о своем пренебрежительном отношении к развитию тела.

Перед тем как заснуть, Маккензи напряженно размышлял о том, что он будет делать, если ему еще раз придется столкнуться с этими грязными животными, хищниками городских улиц. В конце концов, он уснул с мыслью, что должен быть не сильнее, а умнее их. Наука, ведущая человечество в золотой век, была способна справиться и с этой задачей. С этой же мыслью он и проснулся.

Эндрю Финниган, допивая последние глотки чая, косо поглядывал на своего постояльца, уставившегося на остывший завтрак, но с расспросами не лез, за что Томас был ему крайне признателен. Ночью они перемолвились парой слов, и отставной сержант был в курсе ночных приключений постояльца.

Томас с задумчивым видом потрогал пальцем подсохший тост с джемом, решительно отодвинул от себя подставку с вареным яйцом. Потом в пару глотков прикончил чашку остывшего чая и решительно поднялся на ноги.

– Эндрю, прошу вас, найдите того соседского паренька, Гокинса, – сказал он, запуская пальцы в карман своего безупречного бежевого жилета. – Дайте ему от моего имени пару пенсов. Пусть сбегает в Колледж Механики, ко мне на кафедру, и найдет доктора Нимса. И пусть скажет ему, чтобы проводили семинар без меня, сегодня я буду работать дома.

– Конечно, сэр Томас, – отозвался бывший сержант, складывая хрустящий газетный лист. – Вам что-нибудь еще понадобится?

– Нет, Эндрю, благодарю, – рассеяно отозвался Маккензи, бросая на скатерть пару мелких монет, – я просто буду работать.

Развернувшись, он вышел из кухни и взлетел по лестнице, мгновенно забыв о существовании Эндрю, Гокинса и доктора Нимса. Им, как бывало и раньше, овладела прекрасная идея, требующая немедленного воплощения. В такие минуты Томас забывал об окружающем его мире, купаясь в цветных нитях своих размышлений, что прямо на глазах складывались в логичную и вполне жизнеспособную картину.

Вернувшись в кабинет, Томас первым делом разоблачился – снял сюртук, повесил на вешалку жилет, сменил рубашку с кружевным воротом на домашнюю, домотканую. Потом накинул свой черный пропитанный каучуком передник, что прикрывал тело от горла до колена, сунул в карман передника прорезиненные перчатки. Большие очки с синими стеклами и широкой матерчатой лентой Томас водрузил на голову, безжалостно растрепав только что с трудом уложенные кудри. А потом, привычно хлопнув в ладоши, уставился на свой рабочий стол.

Изучив привычное расположение инструментов, Томас медленно обошел вокруг стола. Потом решительно открыл выдвижной ящик и небрежно смахнул в него останки прошлого эксперимента – проводки, кусочки меди, обрезки каучука и даже почти полностью готовый изоляционный лист, сплетенный из тонких нитей клея.

Очистив рабочее место, Томас засучил рукава рубашки и принялся за дело. Из недр своего рабочего стола он доставал один прибор за другим, внимательно изучал, прикидывал что-то в уме. Потом либо ставил его на стол, либо прятал обратно. Новые куски каучука, резина, медь, гвозди, подкова, мотки проволоки – все это громоздилось на столе новыми кучами. Из шкафов, стоявших вдоль стен, на стол перекачивали две колбы с кислотой, утюг, зажимы и точильный круг. И лишь в последнюю очередь на столешницу встала драгоценная коробка с кристаллами синего кварца. Строго говоря, кварц не был синим, скорее, имел оттенок морской волны у песчаного берега, но название так прижилось в академической среде, что его употребляли все. Собственно, и не Томас открыл, что при физическом воздействии этот кварц испускает сильный электрический разряд – значительно более сильный, чем у других видов кварца. Но зато Томас был первым – как он надеялся – кто смог сконструировать небольшой, но весьма емкий аккумулятор, позволяющий запасать выделяемую кварцем энергию.

Работа на столе кипела. Плавился каучук, трескался кварц. Шипела кислота, плавя все на своем пути, дымился раскаленный утюг, сваривая куски каучука. Скрежетал металл, поддаваясь напильникам и ножницам по железу. И над всем этим безумием парил Томас, позабывший об окружающем мире, и воплощавшим в жизнь свое новое изобретение.

Маккензи так увлекся работой, что и не заметил, как пролетело несколько часов. Пребывая в своем маленьком творческом мирке, он даже не сразу услышал, что его зовут. И лишь когда Эндрю, тяжело ступая, подобрался к самому столу и повысил голос, Томас вскинул голову.

– Что? – переспросил он, сверкая синими очками на подошедшего сержанта, что с опаской косился на дымящуюся колбу. – Что случилось?

– Сэр Томас, к вам молодая леди, – прогудел сержант, зажимая огромной пятерней рот и нос.

– Молодая леди? – с изумлением переспросил Томас, поднимая очки на лоб. – Вы уверены, что ко мне, Эндрю?

– Безусловно, – протрубил сержант. – Она представилась как Эмма Макгрегор, племянница профессора Макгрегора.

– О! – воскликнул пораженный Маккензи, – конечно, я же оставил визитку их управляющему. Эндрю, немедленно проводите ее сюда. Нет! Стойте. Дайте мне одеться... Проклятый дым. Пусть подождет внизу, я через минуту спущусь. Нет, подождите, это невежливо... Ох, я совершенно не готов!

– Не утруждайтесь, сэр, – раздался звонкий голос от двери. – Полагаю, я способна выдерживать некоторое количество сомнительных запахов от очередного эксперимента.

Пораженный Томас обернулся к двери и медленно стащил с головы синие очки, не в силах отвести взгляда от чудесного образа, посетившего его кабинет.

На первый взгляд Эмме Макгрегор можно было дать лет двадцать, хотя крохотные морщинки в уголках глаз намекали, что, возможно, она чуть старше. Первое что бросалось в глаза – копна пышных рыжих волос, растрепанных, но заботливо уложенных набок, так, чтобы казалось, что прическа чуть тронута ветром. Белоснежный и безупречный овал худого лица, выглядел по-детски трогательным. Вместе с тем, в нем чувствовалась некоторая твердость взрослой женщины, сознающей свою привлекательность. Большие и зеленые глаза смотрели уверенно, и чуть лукаво, словно их обладательница готовилась отпустить очередную колкость, вертящуюся на ее, несомненно, остром язычке. Высокие скулы, острый подбородок, узкие и аккуратные губы, лишь чуть тронутые скромной карминовой помадой, лишь подчеркивали образ молодой и активной женщины, что, несомненно, не имела ничего общего с ленивыми женами промышленников или печальными и суровыми вдовами военных.

Непроизвольно, Томас опустил взгляд ниже. На Эмме было черное строгое платье, весьма узкое, как нельзя лучше подчеркивающее изящное строение владелицы. Длинные чер-

ные рукава прятали ее руки, оставляя мужским взглядам лишь хрупкие белоснежные кисти с длинными пальцами. Ворот платья подпирал подбородок, полностью закрывая шею и делая ее чуть длиннее. На вороте красовалась огромная брошь – нечто вроде золотой шестерни с красным камнем в центре. Точно такой же символ украшал черную шляпку. От фигуры молодой леди исходил такой заряд напора и уверенности в себе, что Томас непроизвольно выпрямился и расправил плечи, борясь с желанием щелкнуть каблуками.

– Томас Маккензи, аспирант Колледжа Механики, – спохватившись, представился он, уронив защитные очки на рабочий стол.

– Эмма Макгрегор, – представилась девушка, решительно шагнув вперед и протягивая хозяину кабинета узкую белую ладонь. – Второй курс Инженерного Колледжа Бри.

Томас неловко шагнул из-за стола, потянулся к руке гостье, лихорадочно соображая, что делать дальше. Но Эмма легко решила его проблему – схватила ладонь ученого и крепко ее сжала, не оставив Томасу даже шанса склониться к белоснежным хрупким пальцам.

– Очень рада знакомству, сэр Томас, – напористо сказала Эмма. – Эндрю? О, благодарю за гостеприимство. Не могли бы вы оставить нас с Томасом на пару минут?

– Конечно, миледи, – отозвался бывший сержант, направляясь к двери. – Со всем моим уважением.

Пока пораженный внезапным вторжением Томас разглядывал спину удаляющегося Финнигана, мисс Макгрегор сделала шаг в сторону и критическим взглядом окинула дымящийся хаос на столе ученого.

– Каучук, медь, кислота, паяльный док, кварц, – задумчиво произнесла она звонким голосом. – Электричество? Чудесное направление.

– О да, – пробормотал Томас. – Это мой новый эксперимент... Бри? Подождите, вы сказали Бри, мисс Макгрегор?

– Эмма, – девушка решительно обернулась к хозяину кабинета. – Зовите мне просто Эмма. К черту все эти старомодные замашки, все эти танцы. Эти условности отнимают так много времени.

– Конечно, как скажете, мисс Эмма, – промямлил Томас, не в силах отвести взгляда от ее пылающих волос. – Так вы говорите, что учитесь в Колледже Бри? А я думал, что вы в Нирском графстве, у родителей.

– Вовсе нет, – отозвалась Эмма и уголки ее губ внезапно опустились. – Я уже два года живу в Бри. С матерью и дедом я поссорилась. Мы давно не общались. Они были против моих занятий наукой, я отправилась в свободное плаванье... Ну, знаете, как это бывает?

– Увы, нет, – медленно произнес Томас. – Не знаю.

Зеленные глаза Эммы впились острым взглядом в побледневшее лицо Томаса, перепачканное сажей от горящего каучука.

– Простите, Том, – тихо сказала он. – Судя по всему, я допустила бестактность.

– Ничего, – Макгрегор, успевший прийти в себя после неожиданного вторжения, заставил себя улыбнуться. – Это дело давнее. Но как вы попали в Лонбург?

– Ночным экспрессом, – тут же отозвалась Эмма, разглядывая колбу с кислотой. – Прочитала в вечерних Новостях Бри о похоронах дяди, бросилась на вокзал, и вот, – я здесь. Первым делом, я, конечно, отправилась домой, где побеседовала с Роджером. Бог мой, мы не виделись пятнадцать лет, он меня совсем не помнит...

– Приношу свои соболезнования, – откашлявшись, официальным тоном изрек Томас. – Нам всем будет не хватать профессора Макгрегора, его ума, его великого таланта. Но с нами навсегда останутся его работы, его вклад в развитие Оркнейской науки...

Эмма вскинула на хозяина кабинета взгляд зеленых глаз, глянула снизу вверх, доверчиво, с чуть заметным сожалением.

– Спасибо, Том, – тихо сказала она и сама прикоснулась к его локтю. – Я чувствую вашу поддержку. Ой, у вас сажа!

Совершенно детским и непосредственным жестом Эмма вскинула руку и провела большим пальцем по скуле ученого, размазывая крохотное пятнышко сажи. От нежного прикосновения холодного пальца Томас вздрогнул так, словно схватился за контакты лейденской банки. Непроизвольно он на секунду прикрыл глаза, наслаждаясь сладкой дрожью, а когда открыл их, Эмма уже успела убрать руку и теперь с интересом и некоторой бесцеремонностью, разглядывала лицо своего нового знакомого.

– Спасибо за все, сэр Томас, – сказала она, глядя ученому прямо в глаза. – Вы очень чуткий и отзывчивый джентльмен, именно такой, что мог произвести хорошее впечатление на дядю Себастьяна. Вы искренне интересовались его судьбой, пожалуй, единственный, из этих надутых индюков Лонбургского Университета.

– Ну что вы, – неловко пробормотал Томас, чувствуя, что еще миг, и он покраснеет словно мальчишка. – Мы не были близко знакомы, но я бесконечно уважал сэра Себастьяна и, конечно, не мог не выразить свои чувства, когда узнал, о его внезапной кончине.

– Именно об этом я и хотела поговорить с вами, – тихо произнесла Эмма, не отводя взгляда от Маккензи. – В доме профессора я встретила полисмена, запечатавшего дверь кабинета. Он был весьма косноязычен и не смог мне толком рассказать о том, что произошло той ночью. Зато Батлер говорил непрерывно. Он поведал мне о своих подозрениях и о том, что вы тоже проявляли интерес к странной смерти Себастьяна. Именно поэтому я пришла к вам, чтобы попросил о помощи.

– О помощи? – искренне удивился Томас. – Конечно, мисс Эмма, я сделаю все, что в моих силах, но чем же я могу вам помочь?

– Помогите мне разобраться в том, что произошло, – тихо попросила девушка, не отводя молящего взгляда зеленых глаз от ученого. – Я выслушала историю Роджера и... Это все так странно, что я не знаю, что и думать. Я все равно останусь в Лонбурге, хотя бы до оглашения завещания, и хочу потратить это время на то, чтобы разобраться в этом странном происшествии. Вы же тоже считаете его странным?

– О, да, – немного натянуто произнес Томас, уже решивший, что всю эту историю следует оставить полиции. – Конечно, тут есть над чем поразмыслить. Конечно, я помогу вам, Эмма.

– Превосходно! – лицо девушки озарила улыбка, заставив вскипеть кровь Томаса. – Тогда, отправляемся немедленно!

– Куда? – пораженно спросил Маккензи, ощущая себя болваном, потерявшим нить разговора.

– К нам в дом, конечно, – бодро отозвалась Эмма. – Поедем к нам, и вместе осмотрим кабинет дяди Себастьяна. Надо узнать, чем он занимался.

– Но полиция опечатала кабинет... – начал Томас.

– К черту полицию, – отозвалась девушка, решительно взмахнув рукой. – Я единственная родственница профессора, а его управляющий делами просил поискать экземпляр завещания, хранившийся в рабочем кабинете дяди. Ему надо удостовериться, что дядя не внес в него изменения в последний момент. Правда, он просил Роджера, но тот не решился перечить полисменам. А я полна такой решимости. Эти болваны не узнают завещание, даже если уткнуться в него своими красными от пьянства носами. Итак, выдвигаемся домой, и пусть только кто-нибудь посмеет меня остановить!

Томас смотрел на раскрасневшиеся от волнения щеки Эммы и чувствовал, как у него внутри все кипит. Он не считал, что вскрывать опечатанный полицией кабинет – хорошая идея. Более того, после ночных размышлений, он пришел к выводу, что не следует вмешиваться в расследование полиции. Он собирался забыть эту историю, но... Но как он мог оставить без помощи эту молодую и, несомненно, наивную, провинциалку, приехавшую ночным экспрес-

сом в Лонбург? Нет, решительно, честь Оркнейского джентльмена не позволяет ему оставить молодую леди, потерявшую любимого дядю, наедине с этим чудовищно опасным серым городом.

– Конечно, – с жаром выдохнул Томас, – осмотрим кабинет. Вот только...

– Что? – находящаяся на полпути к двери Эмма обернулась.

– Не могли бы вы подождать меня внизу, мисс Макгрегор, – произнес Томас, окидывая взглядом свой резиновый передник. – Боюсь, не нужно несколько минут, чтобы привести себя в порядок.

– О, – выдохнула Эмма. – Конечно. Простите меня Томас, я иногда бываю совершенно несносна. Жду вас на улице. Я попросила кэбмана подождать, так что, наверно, я сразу сяду в кэб.

Томас не успел ответить – Эмма исчезла в дверном проеме, оставив ученого в одиночестве. Пораженный Маккензи оглядел кабинет, не в силах поверить в то, что только что произошло. Он, конечно, не сторонился женского общества, и знал дам исповедовавших и более фривольные взгляды. Но Эмма... Это просто явление другого порядка.

Хлопнув себя по бедру, Томас лихорадочно скинул фартук, погасил горелку на столе, и начал быстро собираться, отчаянно жалея, что у него нет лишней минутки, чтобы принести снизу, из шкафа, новый сюртук. К счастью, воспитание в пансионе наделило Маккензи полезной привычкой – одеваться самостоятельно и быстро. Он использовал все свои умения, чтобы за пару минут привести себя в божеский вид и даже успел уложить волосы с помощью расчески и мыльного раствора. Пригладив усы и бакенбарды специальной щеточкой, Томас еще раз осмотрел свой костюм и, убедившись, что все в порядке, решительно направился к распахнутой двери. На полпути он остановился, пораженный неприятной мыслью, бросился к столу, схватил свое новое изобретение, сунул его в карман, и бегом бросился к лестнице.

– 7 —

Хотя Томас и торопился, но посчитал неуместным выпрыгивать из дома, подобно мальчишке, торопящемуся на ярмарку. Прежде чем переступить порог лавки Финниганов, он глубоко вздохнул, расправил отворот черного плаща, прихватил с подставки у входа зонт и медленно открыл дверь.

Как и говорила Эмма, экипаж ждал у входа в лавку. Им оказался двухместный кабриолет с двумя огромными колесами и извозчиком на запятках. Это был новейший безопасный кабриолет Хэнсома, для краткости именовавшийся Хэнсомским кэбом а то и просто кэбом. Томас, надо признаться, и сам предпочитал эту новинку неуклюжим четырехколесным брусам и потрепанным каретам знати, что потихоньку исчезали с улиц Лонбурга. Впрочем, Томас был уверен, что и хэнсомский кэб долго не протянет – первые парокаты уже курсировали между окраинами и центром столицы, открывая новую эпоху пассажирских перевозок. Правда, они были неуклюжими и шумными, и потому Маккензи на досуге набросал чертеж электрического кэба, бесшумного, и быстрого. Но пока дальше бумаги дело не пошло – электрический кэб получился слишком тяжелым, из-за несовершенных аккумуляторов. Собственно, его разработка новых батарей должна была решить эту проблему, но сейчас, даже когда он совершил прорыв в этой области, Томасу было явно не до кэбов.

Мисс Макгрегор уже сидела на жестком деревянном сиденье, нетерпеливо поглядывая в окно, расположенное прямо над огромным колесом. Заметив Томаса она всплеснула руками в притворном гневе, и ученый, придерживая рукой серое непромокаемое кеппи, поспешил забраться в экипаж.

Он устроился рядом с молодой леди, стараясь занять на сиденье как можно меньше места. Кэб, тем временем, тронулся с места – возница, видимо, знавший о цели путешествия, явно следовал распоряжением своей очаровательной пассажирки.

Когда Томас, наконец, утвердился на краешке жесткого сиденья и пристроил рядом с собой зонт, Эмма без промедления ринулась в атаку.

– Прекратите ерзать, сэр Томас, – без обиняков сказала она, когда ее спутник попытался уклониться от случайного соприкосновения их локтей. – Это всего лишь кэб, а не танцы в Вукс-холе.

– Прошу прощения, Эмма, – смутившись, отозвался Томас, – мне не хотелось бы стеснять вас, но эта жуткая тряска...

– А, бросьте, – бесцеремонно прервала его девушка. – Случайное касание вашего локтя не бросит тень на мою репутацию. Собственно говоря, вряд ли вы сможете сделать что-то такое, что ужаснет моих родителей больше, чем моя учеба.

– Вот как? – изумился Томас, – неужели все зашло так далеко?

Эмма в притворном ужасе закатила зеленые глаза, а потом принялась рассказывать. Путь на Парковый Остров обещал был долгим, и Томас обратился в слух, желая как можно больше узнать о своей новой знакомой.

Мисс Макгрегор оказалась весьма разговорчивой и бесцеремонной. Порой Томасу казалось, что молодая леди не должна так разговаривать, но припоминая редких студенток собственного Колледжа, он был вынужден признать, что учеба действительно несколько... раскрепощает юных дам.

Между тем Эмма легко и с явным удовольствием рассказывала о своей жизни. Оказалось, что она и в самом деле с самого детства имела склонность к наукам и предпочитала возиться с механизмами, а не куклами, чем весьма огорчала матушку. Закончив обязательное обучение в пансионе у себя на родине, Эмма собралась покинуть родной дом и поступить на обучение в Нирскую Академию. Дед и мать решительно воспротивились этому. Оказалось, что когда-то давно Себастьян Макгрегор, узнав об интересе своей юной родственницы к наукам, пообещал ей протекцию в Лонбургском Университете, в результате чего окончательно поссорился с семьей брата. Именно поэтому две ветви Макгрегоров и прекратили общаться, и, обиженные друг на друга, не поддерживали отношения уже десяток лет.

Благодаря природным талантам Эмма, вырвавшаяся из оков родительского дома, поступила в Колледж Бри. Стремительное развитие технологий и острая нехватка светлых умов в последнее десятилетие заставила Университеты широко распахнуть двери для современных женщин.

Не далее как вчера, на вечернем заседании клуба Механиков Блума, Эмма услышала, как парочка студентов, занятых разбором чертежей, упомянула в разговоре ее фамилию. Подойдя ближе, она отобрала у юнцов газету вечерних новостей Бри, содержащую заметку о похоронах профессора Макгрегора, прошедших в Лонбурге. Эмма сказала, что пришла в себя только на вокзале, сжимая в руке помятый билет на ночной экспресс до Лонбурга.

– О, Том, – мягко сказала Эмма, сжимая пальцами запястье ученого. – Это было так... Внезапно. Я просто не могла оставаться в Бри. Я должна была быть здесь.

– Конечно, мисс Эмма, – сказал Томас. – Вы все правильно сделали. Вы единственная близкая родственница профессора и, конечно, не могли оставаться в стороне.

Эмма тяжело вздохнула, подняла руку и прикоснулась ладонью к своей пылающей щеке.

– Чувствую себя деревенской дурочкой, – призналась она. – И что я надеюсь узнать? Дядю Себастьяна уже не вернуть.

– О, мы узнаем все, – убежденно откликнулся Маккензи. – Расследуем все подозрительные обстоятельства! В конце концов, здесь действительно много странного.

Эмма строго взглянула на своего спутника, но переспросить, что он имел в виду, не успела – кэб остановился. За разговорами дорога пролетела незаметно, и когда Томас взглянул в окно, то увидел знакомую решетчатую калитку дома Макгрегоров. Эмма, печально улыbnувшись, осторожно выбралась из экипажа, стараясь не запачкать платье об огромное колесо, и медленно пошла к калитке. Томас же немного задержался, нашаривая в кармане кошелек, но возница махнул рукой, дав понять, что дорога уже оплачена дамой.

Пораженный Томас оглянулся и увидел, что Эмма уже прошла по дорожке мимо засохших кустов к крыльцу дома. Там ее и нагнал Маккензи, успевший аккуратно прикрыть за собой калитку. Едва он ступил на крыльцо и встал рядом с девушкой, как двери дома Макгрегоров распахнулись перед ними, и на пороге появился Батлер – чинный и исполненный благородной печали.

– Добро пожаловать, – медленно произнес он. – Мисс Эмма, сэр Томас. Дом Макгрегоров к вашим услугам.

– Роджер, мы будем в кабинете дяди, – бросила девушка, уверенно заходя в дом. – Попросите миссис Роше приготовить ланч и подать наверх.

Томас нерешительно переступил порог и посмотрел вслед Эмме, быстрым шагом поднимавшейся по лестнице. Ее узкое черное платье доходило до черных ботинок на высоком каблуке, оставляя наблюдателю простор лишь для воображения. Глядя на то, как она уверенно ступает по бангалорскому ковру, расстеленному на ступеньках, Томас был вынужден признать, что никогда еще не встречал подобных обворожительных леди.

Управляющий, застывший в дверях, сдержанно откашлялся и Маккензи, быстро отвернувшись от соблазнительной картины, бросил на него виноватый взгляд.

– Мисс Эмма весьма энергична, – сказал он, стаскивая плащ под суровым взглядом Батлера. – Она всегда такой была?

– Боюсь, сэр, что плохо помню детство мисс Макгрегор, – сдержанно отозвался Роджер, принимая плащ и кепки гостя. – После смерти сэра Колина, их семья не навещала наш дом.

Томас сдержанно кивнул, и, заметив топорщащийся карман, нахмурился. Вытащив на свет свое новое изобретение – пухлую каучуковую рукоять внутри железного кольца, ученый быстро переложил его в карман плаща, что все еще держал Батлер. Пригладив светлый чуб, еще хранивший следы утренней укладки, Маккензи разгладил свои скромные усики и вопросительно взглянул на управляющего.

– Кабинет профессора наверху, – сдержанно ответил тот на невысказанный вопрос. – Направо от лестницы. Я отдал все ключи от дома мисс Эмме. Надеюсь, ваши поиски увенчаются успехом, сэр.

Маккензи не стал давать пустых обещаний, лишь кивнул и отправился вверх по лестнице. Он допускал некоторую вероятность, что в смерти Макгрегора могут скрываться некоторые странности. Внезапная смерть, поспешные, до неприличия, похороны. Да, профессор был одинок, и его погребением пришлось заниматься юридической конторе, совершенно бестрепетно относящейся к таким тонким делам. Конечно, они торопились, не желая занимать себя этим вопросом дольше, чем необходимо, но профессор был их старым клиентом. Могли бы проявить побольше такта и уважения. Организовать, например, прощальный вечер на кафедре, или хотя бы известить коллег Макгрегора заказными письмами. Возможно, кстати, что и известили, но нынешняя работа почты оставляет желать лучшего. Когда еще эти письма дойдут до адресатов!

Кабинет Томас нашел сразу – двустворчатые двери из красного дерева были настежь распахнуты прямо в коридор, словно только его и ждали. На правой створке еще виднелся клочок приклеенной бумаги с замысловатой завитушкой – видимо росписью одного из инспекторов Центрального Управления. Покачав головой, ученый тяжело вздохнул и все же вошел

в кабинет. Он не одобрял столь вольного обращения с полицейским расследованием. С другой стороны, может быть, Эмма и перегибает палку, но, все-таки, она родственница Макгрегора.

Осторожно ступая по ворсистому ковру с замысловатыми синими и зелеными узорами, Томас вошел в рабочий кабинет профессора и осмотрелся. В принципе, он был похож на сотню других кабинетов, где доводилось бывать молодому ученому. У левой стены располагался большой камин, уместившийся в самом центре книжных шкафов со стеклянными дверцами. Правая стена комнаты была уставлена большими шкафами с глухими дверцами из красного бангалорского дерева. Массивные деревянные чудовища со строгими линиями, без всяких вольностей вроде резьбы и завитушек. Тут же, у шкафов, низкий столик на изогнутых ножках и два кожаных кресла с высокими спинками.

У самого окна, занимавшего почти половину дальней стены, стоял массивный стол профессора, уставленный различными колбами и заваленный бумагами. Его значительная часть была скрыта от Томаса массивным креслом с зеленой кожаной обивкой, что было чуть отодвинуто в сторону. Невольно вздрогнув, Маккензи сделал несколько шагов к столу и остановился, опустив взгляд на пол. Ворсистый бангалорский ковер был бесповоротно испорчен десятками мокрых следов. Поджав губы, Маккензи покачал головой – конечно, сложно было ожидать от современных полисменов чудес такта и соблюдения этикета, но...

– Томас!

Молодой ученый вскинул взгляд и увидел Эмму, выглядывающую из-за чудовищного кресла. Девушка помахала своему спутнику рукой.

– Идите сюда, сэр Томас, – сказала она. – Пожалуйста, осмотрите стол дяди. Думаю, вы лучше меня разберетесь в этих устройствах. А я займусь бумагами в шкафах. В конце концов, мне и, правда, нужно найти экземпляр завещания.

– Конечно, – пробормотал Томас, с некоторой опаской подходя к столу, заваленному чертежами и обрывками расчетов. – Но не думаю, что профессор хранил завещание прямо на книжной полке.

Эмма с довольным видом выставила вперед руку с железным кольцом, на котором болтался десяток разнокалиберных ключей.

– Это от шкафов и ящиков, – сообщила она. – Сейчас я ими и займусь. А вы – столом.

– Безусловно, – сказал Маккензи, обходя стороной отодвинутое кресло, еще хранившее отпечаток тела хозяина. – Начну, пожалуй, с края.

– А я от двери, – Эмма кивнула и легкой походкой упорхнула к рядам книжных шкафов.

Томас проводил ее взглядом, а потом, со вздохом, шагнул к столу профессора, заваленному бумагами. День будет долгим – решил он, осторожно отодвигая картонную папку с монограммой Макгрегора подальше от колбы с грязно-зеленой жижей.

– 8 —

Разбор завалов на столе никогда не числилась среди любимых занятий Томаса Маккензи – в этом молодой ученый был готов поклясться чем угодно. Но обещание, данное молодой леди, обязывало его приложить определенные усилия к поиску странностей, и потому Томас, запасшись терпением, приступил к работе.

Он начал с самого дальнего края, с горы кожаных и картонных папок, наваленных прямо на полированную столешницу. Некоторые из них были подписаны синими чернилами, другие нет. В любом случае, Томас с трудом разбирал мелкий почерк профессора и особо не следил за смыслом надписей. Он просто брал папку, раскрывал ее, быстро переворачивал пару бумажных листов, содержащихся внутри, и откладывал папку в сторону. Содержимое не слишком его интересовало – чаще всего это были заметки, сделанные все тем же мелким неразборчивым почерком. Порой Томасу встречались схематические рисунки колесных передач и стран-

ных зубчатых шкивов, выполненные дрожащей рукой Макгрегора. Рисункам он уделял больше времени, но просто из интереса, чтобы немного себя развлечь.

Перебирая папки, Томас не забывал поглядывать в сторону мисс Макгрегор, что взялась разбирать большое бюро красного дерева, что приютилось рядом с камином. Маккензи не позволял себе лишнего – иногда бросал взгляд в сторону девушки, склонившейся над открытыми дверцами, и тут же отводил взгляд. Он, конечно, отметил про себя, что Эмма уже несколько раз назвала его просто Томом, как старого приятеля. Томас понимал, что в студенческой среде подобные вольности в порядке вещей, и вряд ли Эмма вообще обратила внимание на подобную мелочь, но, все же, он сохранял надежду, что за этими невинными оговорками кроется нечто большее.

В данный момент девушка склонилась над бюро, чуть ли не целиком засунув голову в недра распахнутых дверок, и с азартом чем-то шуршала. Камин, что располагался совсем рядом, к счастью, не горел. Массивная каменная полка была чуть тронута копотью, витая железная решетка сохранила матовый блеск полировки графитом, а защитный экран, защищавший хозяина от лишнего жара, был вычищен до блеска. Судя по всему, профессор редко разжигал огонь в кабинете.

Почувствовав, что его взгляд неподобающе долго прикован к ладной фигурке Эммы, Томас устыдился и склонился над очередной папкой, помеченной инициалами профессора. Он распахнул красные кожаные створки и с преувеличенным интересом принялся исследовать пачку пожелтевших листиков, покрытых неразборчивой вязью из синих чернил. Его показная сосредоточенность неожиданно принесла свои плоды – чуть ли не вопреки собственному желанию, Томас начал разбирать отдельные фразы, а порой и целые абзацы. Судя по всему, ему удалось наткнуться на обрывки личного дневника профессора. Эти отдельные листики были сложены по порядку, по времени и, похоже, были вырваны из линованной тетради с приличным переплетом. Похоже, Макгрегор нарочно вырвал эти странички из дневника и сложил их в отдельную папку.

С возрастающим интересом Томас вчитывался в пляшущие строки, пытаясь проникнуть в смысл этих обрывочных записей. Судя по ним, Макгрегор описывал некие эксперименты с огромным механизмом, что должен был поднять и опустить двенадцать круглых платформ. Весь механизм очень напоминал театральные подъемники, что позволяли быстро поднять из подвала на сцену декорации прямо во время антракта. Зачем это понадобилось профессору, Томас понятия не имел. Его внимание больше привлекали другие детали. Судя по рисункам, на платформах, диаметром в три фута, должны были разместиться некоторые механизмы, описанные очень пространно. К этим механизмам, судя по рисункам, должно было подаваться электричество – причем в громадных объемах. Томас заметил крепления для проводов большого сечения, а на одном из рисунков были отмечены разъемы для соединения проводов. Этот чертеж был выполнен другой рукой, явно не профессором Макгрегором, и потому вызвал особый интерес Томаса. Кто-то хотел подать на площадки профессора ток высокого напряжения, и даже не на сами площадки, а на некоторые устройства, что, вероятно, должны были разместиться наверху. Крохотные циферки с боку схематически нарисованных проводов означали сечение, пара формул описывала медный сплав лучшей электропроводности. А еще несколько формул были химическими и в них Томас так и не разобрался. Но, разглядывая странный чертеж, поймал себя на мысли, что очень хочет разобраться. Неужели это действительно тот самый тайный проект, упомянутый беднягой Хиллманом?

– Томас!

Маккензи, с головой ушедший в исследование бумаг, виновато оглянулся. Эмма стояла у раскрытого бюро, сжимая в руках приличной толщины папку из крашенного зеленым картона, и ее глаза светились от счастья.

– Томас, я нашла завещание! – радостно выдохнула она. – И кучу различных бумаг... О!

Маккензи, заметив ее взгляд, устремленный на папку в его руках, вопросительно вскинул брови.

– Вы, кажется, полностью погрузились в бумаги, – с некоторым сожалением отметила Эмма. – Я думала, вы уже добрались до самого стола.

Томас быстро оглядел стол и пожал плечами. Действительно, в своих изысканиях он продвинулся не так уж далеко – разобрал десяток папок, оставив нетронутым самое важное – колбы в середине стола.

– Да, да, – быстро сказал Томас, – я сейчас. Пожалуй, начну с самого главного.

С заметным сожалением он захлопнул интереснейшую папку с обрывками дневников профессора. С сожалением взглянув на грудку подобных папок, Маккензи покачал головой, и очень осторожно отложил записи на край стола. Ему очень хотелось дочитать бумаги, разобраться в этой головоломке, но сейчас на это не было времени. Придется вернуться к ним позже.

Бросив взгляд на Эмму, увлеченно разбиравший следующий ящик бюро, Томас двинулся к отставленному креслу. Стараясь не подходить близко к месту кончины Макгрегора, молодой ученый осторожно подобрался к центру стола и чуть наклонился над столешницей, стараясь охватить взглядом весь беспорядок разом.

Судя по всему, прямо перед смертью профессор действительно работал с какими-то подозрительными жидкостями. На столешнице, напротив кресла высилась стойка с десятком прозрачных колб, уютно устроившихся в деревянных планках. Три были пусты, еще в трех, на самом донце, виднелся темный осадок, напоминавший лонбургскую грязь, а оставшиеся три были заполнены темно-зеленым раствором, напоминавшим медицинскую мазь.

На первый взгляд, увиденное Томасом противоречило словам управляющего о том, что Макгрегор не работал дома с опасными веществами. С другой стороны, в пробирках могли скрываться самые невинные препараты, не имеющие никакого отношения к ядам. Но Маккензи не собирался откупоривать пробирки и нюхать их, как, несомненно, поступил бы на его месте зеленый практикант, не подозревающий, что загадочные жидкости могут таить смертельную опасность. Напротив – Томас достал из кармана клетчатый носовой платок, прижал его к носу и лишь потом склонился над столом, продолжая осмотр.

Чуть подальше, за пробирками, высилась горелка Бузена – точно такая, какую использовал в своей работе сам Томас. Но, судя по всему, Макгрегор ей не пользовался – резервуара с газом для горелки Маккензи так и не увидел. Зато рядом с ней стояла дистилляционная колба с трубками-отводами, и одна из них заканчивалась каучуковой грушей для накачки воздуха. На самом доньшке колбы еще оставалось немного прозрачной жидкости, но основная ее часть, судя по всему, перекочевала в прозрачную чашку, что была закреплена над крохотной спиртовой горелкой. Все еще прижимая платок к носу, Томас шагнул поближе к столу, рассматривая пластинки прозрачного стекла, что лежали рядом с колбами. Их было десятка два – кусочки не больше пальца. Некоторые выглядели закопченными, словно их нагревали над спиртовкой, другие были испачканы бурой и вязкой мазью, неприятной даже на вид. У самого края стола лежали осколки предметного стекла.

Совершенно машинально, по наитию, Томас опустился на одно колено и заглянул под стол. У ножек кресла бангалорский ковер был прилично вытерт, но под самим столом ворс ковра оставался нетронут и напоминал те самые бангалорские джунгли. Заметив подозрительный блеск в глубине зеленого ворса, Томас опустился и на второе колено и влез под стол, больно задев макушкой выдвижной деревянный ящик, прятанный под столешницей. Он даже не скривился от боли, не заметил удара – все его внимание было приковано к крохотному кусочку стекла, что прятался в ворсистом ковре глубоко под столом. Склонившись над ним, Томас попытался рассмотреть его поподробнее, но не преуспел – тут было слишком темно. Ему только удалось понять, что это обломок стеклянной пластинки, в полпальца длинной, с одной

стороны запачканной подозрительной мазью, а с другой – бурыми подтеками, подозрительно напоминавшими кровь.

Вздохнув, Томас покачал головой. Он знал, что нашел – еще один осколок стекла, ускользнувший от взгляда полицейских. Нет сомнений, что они сгребли со стола все, что увидели, но даже не подумали поискать под столом.

Томас покачал головой. Похоже, не смотря на все сомнения, следовало признать, что полиция движется в правильном направлении. Макгрегор, судя по всему, действительно порезался осколками предметного стекла. Был ли на нем яд? Очень может быть. Конечно, надо бы вытащить эту штуку на свет божий, провести химический анализ – хотя бы в лаборатории колледжа, но брать ее голыми руками... Улыбнувшись, Томас опустил руку с платком, осторожно подобрал стекляшку, так, чтобы она очутилась внутри сложенной ткани, и заботливо спеленав свою находку, сунул ее в карман.

Пятясь, словно рак, он выбрался из-под стола и со вздохом облегчения распрямился. Схватившись за край столешницы, он поднялся на ноги.

– Мисс Макгрегор, – позвал Томас, – мне, кажется, удалось найти кое-что интересное.

Эмма тотчас оставила в покое бумаги, резко обернулась к своему гостю, но сказать ничего не успела – из коридора донесся грохот шагов и гул голосов. Оба застыли, словно воришки, застигнутые врасплох, но потом Эмма судорожно прижала к груди папку с завещанием профессора, а Томас быстро запихнул платок со стекляшкой поглубже в карман. Потом, действуя по наитию, он схватил отложенные в сторонку бумаги и спрятал за отворотом сюртука. Едва он отнял руку от груди, как в распахнутые двери кабинета ввалилась грузная фигура полисмена.

Это оказался весьма упитанный констебль, чья форма топорщилась на объемном чреве, подтянутым форменным ремнем. Его багровое лицо, весьма сердитое, обрамляли лохматые растрепанные бакенбарды, а непременный конусообразный шлем торчал на голове совершенно несуразно сдвинувшись на бок.

– Так, – зычным голосом протянул констебль, положив ладонь на рукоять служебной дубинки, заткнутой за пояс. – Это еще что?

Раздувая огромные ноздри с торчащими редкими волосинками, он, взглядом полным бешенства, окинул комнату.

– Кто вскрыл кабинет? – прорычал он, заглушая робкие бормотания управляющего, что тихо доносились из-за его широкой спины.

Томас сухо откашлялся, но ответить не успел – Эмма быстро, но не теряя достоинства, подошла к констеблю и встала прямо перед ним. Правой рукой она прижимала к груди папку с завещанием, а левую уперла в пояс. От нее веяло такой яростью, что Томас, наблюдавший только спину девушки, невольно содрогнулся, а констебль, очутившийся лицом к лицу с разъяренной рыжеволосой фурией, попятился.

– Я Эмма Дарси Маккрегор, племянница профессора Макгрегора, его ближайшая родственница по крови из оставшихся в живых, – отчеканила девушка, подаваясь вперед. – Я нахожусь здесь с целью изыскания завещания профессора для передачи его юридической конторе для производства дела о наследовании. А вы?

– Констебль Джонас Лэрд, дивизион Хайгейт, – пробормотал краснорожий толстяк, непроизвольно пятясь. – И я...

– И вы пришли оказать мне помощь в осмотре кабинета? – ядовито осведомилась Эмма. – Пришли помочь найти важные бумаги, потому что кое-кто так спешил с похоронами профессора, что не удосужился их найти?

– Ничего не знаю про бумаги, мэм, – твердо ответил констебль, оправившись от внезапного нападения. – Но это место преступления и я...

– Преступления!? – голос Эммы взвился к потолку, обретая новые высоты. – Так это преступление? Ваш инспектор уверял, что это несчастный случай! А моего дядю, судя по вашим словам, убили?!

– Да мэм. То есть нет, мэм, – констебль еще раз шагнул назад и очутился в коридоре, – это пока неизвестно, мэм. Ведется следствие, и мы должны позаботиться о сохранении улики...

– Лишив меня и поверенного в делах доступа к юридическим бумагам? – разгневанно бросила Эмма. – Запечатав дверь в доме моей семьи, и не дав мне даже попрощаться с дорогим дядюшкой?

– Нет, мэм, – отозвался констебль, стягивая с головы шлем и помещая его на сгиб локтя. – Простите мэм, это сложный вопрос. Лучше вам его обсудить с нашим инспектором дивизиона.

– И где же этот ваш инспектор? – прорычала Эмма. – Кому мне задать этот вопрос?

– Он будет здесь через полчаса, мэм, – сказал констебль. – Прибудет как раз для производства следственных действий, мэм.

– Уж я его расспрошу, не сомневайтесь, – зловещим тоном, гарантирующим неприятности, откликнулась Эмма.

– Как вам будет угодно, мэм, – твердо отозвался констебль. – А пока прошу вас покинуть место... В смысле, кабинет. Прошу вас покинуть это помещение. И вашего спутника.

Суровый взгляд опомнившегося констебля уперся в Томаса, но тот успел уже отойти от стола, и стоял посреди кабинета с совершенно нейтральным видом. Заметив взгляд полисмена, он сухо представился.

– Томас Маккензи, аспирант Лонгбурского Колледжа Механики, знакомый профессора Макгрегора. Сопровождаю его племянницу.

– И вас тоже, мистер Маккензи, прошу покинуть кабинет, – непреклонно отозвался констебль. – Прошу вас. Скоро прибудет инспектор, он даст все необходимые пояснения.

– Хорошо, – твердо произнесла Эмма и подняла повыше папку. – Это то самое завещание, что я искала. И я его из рук не выпущу до приезда вашего инспектора.

– Да мэм, – согласился полисмен. – Но, пожалуйста, не выносите его из дома до тех пор, пока на него не взглянет инспектор.

Томас, воспользовавшийся паузой, подошел к Эмме, встал с ней рядом и заметил, как узкие губы девушки скривились в презрительной гримасе.

– Пусть так, – сухо сказала она. – Пойдемте, сэр Томас на кухню. Думаю, что ланч уже готов. Надеюсь, инспектор не заставит себя ждать.

Быстро развернувшись, Эмма протиснулась мимо констебля и с гордым видом, расправив плечи, зашагала по коридору к лестнице, ведущей в холл. Томас проводил ее взглядом, потом оглянулся на полисмена, коротко кивнул.

– Констебль.

– Сэр.

Полисмен посторонился, давая гостю выйти из кабинета. Маккензи пошел к лестнице следом за Эммой и всю дорогу чувствовал, как взгляд констебля прожигает ему спину. А еще ему казалось, что платок с осколками стекла в его кармане прыгает, так и норовит выбраться наружу, выпрыгнуть прямо под ноги констеблю, вопия о чудовищном нарушении.

Все обошлось. Следуя за мисс Макгрегор, Томас спокойно спустился по лестнице, и вошел следом за ней в кухню, наполненную жарким паром и ароматами запеченного мяса. Мисс Роше хлопотала около раскаленной плиты и, казалось, совсем не обращала внимания на гостей, ворвавшихся на ее кухню.

– Я так взбешена, – бросила Эмма, едва дверь кухни прикрылась за Томасом. – Так взбешена! Они ничего не знают и не хотят знать! Для них это просто еще один мертвый старик!

– Тише, – Томас оглянулся на закрытую дверь и, придвинувшись ближе, взял Эмму за руку. – Тише. Я должен вам кое-что сказать.

– Что? – так же шепотом ответила Эмма, с тревогой вглядываясь в побледневшее лицо Томаса. – Вы что-то нашли?

– Да, – признался ученый, запуская руку в карман и доставая платок. – Вот. Это я нашел под столом. Видимо этим стеклом и порезался профессор. А это, вероятно, яд, попавший в его кровь.

– Боже мой! – воскликнула Эмма. – Так они были правы? Насчет яда?

– Не знаю, – признался Томас. – Чтобы узнать, что на стекле, нужен анализ. Но я совершенно не представляю, как это вернуть полиции! Вероятно, они пропустили этот кусочек при осмотре. Я совершил чудовищную глупость...

– Не надо им ничего говорить, Том, – прошептала Эмма. – Мы сами сделаем анализ и узнаем, что это такое. Мне кажется...

Девушка обернулась, бросила взгляд на миссис Роше, что не отвлекалась от своей плиты, и тихо продолжила:

– Мне кажется, что здесь дело нечисто. Полиция слишком торопится. Нам надо узнать, что там, на стекле и поговорить с поверенным дяди Себастьяна. Я тоже кое-что нашла. Некоторые документы. Кажется, они не должны были быть у дяди.

– В каком смысле? – удивился Томас. – Не должны?

– Это не его документы, это расчеты и счета других ученых, – жарко зашептала Эмма, открывая папку, что все еще сжимала в руках. – Вот, возьмите. Посмотрим потом, когда рядом не будет полиции.

Измученному Маккензи ничего не оставалось, как принять пачку пожелтевших листов, сложить их пополам, и сунуть в карман пиджака, туда, где уже таились обрывки дневника профессора.

– Идите домой, Том, – прошептала Эмма, не сводя с Маккензи выразительного взгляда. – Встретимся вечером, у вас. Я пока разберусь с полицией, а вы почитайте бумаги.

– Но этот констебль, завещание... – пробормотал Томас, пытаясь найти причину остаться рядом с юной леди.

– Завещание и правда у меня, я его сразу нашла, – призналась Эмма. – А констебль не помешает. Он же здесь не для того чтобы арестовывать нас? Скажу, что послала вас в нотариальную контору сообщить о том найдено завещание. А оно у меня на руках, как и просил констебль. В конце концов, мы приличные люди, не будет же он обращаться с нами как с жуликами.

– От этих столичных болванов всего можно ожидать, – мрачно отозвался Томас, припоминая прошлую ночь. – Но вы правы. Мне надо идти. Простите, мисс Макгрегор.

– Эмма, просто Эмма, – отозвалась девушка, ободряюще пожимая запястье молодого ученого. – Идите, Том.

Маккензи коротко кивнул, борясь с желанием запечатлеть на хрупких пальцах Эммы поцелуй и, после короткой борьбы, резко отвернулся и распахнул дверь кухни.

Выглянув в холл, и не обнаружив там посторонних, молодой ученый быстро подошел к выходу, стянул с вешалки плащ, накинул его на плечи, водрузил на голову свою новую кеппи и быстро вышел.

По тропинке до ворот он почти бежал, чувствуя, как странные документы жгут ему грудь сквозь карман пиджака. И лишь выскочив за решетчатую калитку, взял себя в руки, медленно выдохнул, и побрел в сторону моста.

День был в разгаре, и на улице оказалось много прохожих. Томасу не составила труда быстро затеряться среди зеленщиков, посыльных и обычных горожан, спешащих, как и он к мосту. Быстрым и твердым шагом Маккензи перешел улицу, миновал соседний дом, и только тогда позволил себе обернуться.

Ничего тревожного он не заметил – констебль за ним не гнался, никто не свистел в свисток. Мимо решетки дома Макгрегоров мирно шли прохожие, обходя лужи, оставшиеся на мостовой после ночного дождя. В воздухе висел серый смог, солнце пряталось за тучами. В целом все было спокойно. Вот только на углу дома стоял зевака, не сводящий взгляд с калитки Макгрегоров. В принципе, Томас и не обратил бы на него внимания – события в доме профессора наверняка привлекали бездельников, желавших поглазеть на дом, где случилась трагедия. Вот только странная фигура, закутанная в черный плащ, показалась Томасу знакомой. Он задержался, отступил к стене, пропуская зеленщика с тележкой... И в этот момент зевака обернулся.

Томаса как током ударило. Он узнал острые скулы и бакенбарды своего таинственного спасителя. Это он следил за домом Макгрегоров! Или, возможно, за самим Томасом Маккензи?

Процедив проклятие, молодой ученый вжался в стену, не отводя взгляда от подозрительного наблюдателя. Он не мог видеть Томаса, а вот ученому была превосходно видна фигура спасителя. Было ли это случайностью – то, вчерашнее происшествие? Или нет? Быть может, все намного серьезнее, чем кажется на первый взгляд? Полиция, ночное нападение, дом Макгрегоров – как все это связано?

Сжав зубы, Томас сунул руку в карман плаща и до боли сжал свое новое изобретение. Теперь он был готов к любым неприятностям. Хватит играть роль невинной жертвы. Пора выяснить, что здесь происходит и как все это связано с профессором Макгрегором.

Откинувшись к стене, Томас постарался принять невозмутимый вид, и даже демонстративно взглянул на часы, вынутые из жилетного кармана. Он попытался сделать вид, что отчаянно скучает, поджидая своего воображаемого знакомого. А сам, тем временем, решил, что не сведет глаз с подозрительного типа, решившего проследить за домом профессора Макгрегора.

– 9 –

Постояв у стены пару минут, Томас сообразил, что его персона привлекает ненужное внимание. Такому пониманию немало способствовали несколько любопытных взглядов, брошенных на ученого бегущими по своим делам вестовыми мальчишками, вечно глазеющими на все, что могло их хоть как-то отвлечь от дневной рутины.

Смутившись, Томас развернулся и медленно прошел прочь от дома Макгрегоров, очень надеясь, что его спаситель останется на месте. Молодой ученый заметил, что у соседнего дома, что был ближе к мосту, первый этаж был отведен по лавки и именно туда он и направился. Ему несказанно повезло – вход в ближайшую лавку был сделан прямо с улицы, что позволило хозяину вместо внешней стены сделать большую стеклянную витрину с полосатым матерчатым козырьком, потемневшим от угольной пыли и смога.

Остановившись у витрины, скрывавшей за собой деревянные стеллажи, Томас бросил косой взгляд назад, убедился, что его спаситель на месте, и сделал вид, что внимательно изучает витрину. Стекло, что скрывало ее, не было однородным – за большие стекла взимался и большой налог, потому владелец лавки счел уместным сделать решетчатую раму с десятком мелких стекол. Посмотреть там было на что – в лавке, как оказалось, продавались товары из южных колоний. На деревянных полочках содержались плотно запечатанные склянки с бангалорской курительной смесью, цветные жестяные коробочки с различными видами чая, встречались и причудливо раскрашенные сундучки с лекарственными травами, помогавшими, если судить по биркам, от всех недугов разом.

Изучая экспозицию лавки, скрытую за решетчатой рамой, Томас не забывал поглядывать в сторону своего спасителя, что неспешно прогуливался вдоль дома Макгрегоров. На этот раз

ему представился случай хорошенько рассмотреть своего случайного знакомого при свете дня, чем ученый и не преминул воспользоваться.

Молодой человек, спасший его прошлой ночью, ростом был на полголовы выше Томаса и заметно шире в плечах. Он был укутан в широкий плащ-крылатку без рукавов, но даже его просторные контуры не скрывали спортивного сложения владельца. Из-под плаща виднелись узкие серые бриджи, натянутые поверх странноватой обуви, напомнившей Томасу кавалерийские сапоги. Настоящий джентльмен для дневной прогулки по городу надел бы оксфордские лаковые ботинки, и странные сапоги тут же приковали внимание Маккензи. Это, конечно, было чудовищно, но не преступно. Да и весь облик этого человека как-то не вязался с мыслями о криминальном мире Лонбурга. Новый знакомый Томаса и фигурой и одеждой напоминал профессионального путешественника, исследователя, искателя приключений. Маккензи мог легко представить этого типа со слоновым ружьем в руках, пробирающимся сквозь заросли восточной Африки, или марширующим с пехотной винтовкой по пыльным дорогам северного Бангалора.

Голову незнакомца прикрывал черный котелок, один из тех, что были весьма популярны у Лонбургских адвокатов и биржевых маклеров. Он не слишком подходил к плащу-крылатке, и Томас окончательно убедился, что у его знакомого отсутствует всякий вкус. Порой, когда незнакомец поворачивался, Маккензи мог видеть его лицо. Узкое, худое, немного вытянутое, оно было чисто выбрито. Лишь у самых ушей оставались небольшие полоски бакенбард, достигающих до мочки ушей. В этом лице ученому чудились некие хищные черты, скрытая злость и затаенная агрессия, что, конечно, должно было, несомненно, привести когда-нибудь к повышенному артериальному давлению, а то и разлитию желчи.

Удовлетворившись осмотром, Томас вернулся к изучению ассортимента лавки. Подметив столько интересных деталей, он, тем не менее, оставался в недоумении, ни на йоту не приблизившись к разгадке тайны незнакомца. Он не походил ни на шпика-полисмена, ни на преступника. И уж меньше всего он походил на праздного зеваку, случайно вовлеченного в водоворот событий вокруг дома Макгрегоров. Больше всего незнакомец походил на завязатого охотника, частого посетителя колоний, но что такому делать посреди Лонбурга? Ему бы сейчас охотиться на тигров в Бангалоре или раздвигать границы африканских владений Оркнеи.

За стеклом, внутри лавки, мелькнула фигура приказчика, и Томас покачал головой. Пожалуй, он слишком долго стоит на одном месте и опять начинает привлекать внимание. Пора было перебираться к соседней лавке, или вовсе перейти на другую сторону улицы. Маккензи осторожно осмотрелся, но так и не смог решить, куда ему пойти. Витрин рядом больше не было, на другой стороне улицы, ведущей к мосту, и вовсе магазинов нет. А поток прохожих потихоньку мелеет, кажется, все кто хотели покинуть Парковый Остров, уже его покинули. Лишь у самого моста десяток рабочих в грязных черных куртках обречено ковыряют булыжники старой уличной кладки. Судя по канаве, тянувшейся за ними по набережной – кладут телеграфный провод, призванный соединить Парковый Остров с остальным городом.

Из замешательства Томаса вывел сам объект слежки. Пока ученый с тоской озирался по сторонам в поисках нового убежища, незнакомец развернулся, и решительным шагом направился к мосту, покинув место своего наблюдения. Маккензи вовремя заметил этот маневр и успел отвернуться, уставившись на стеклянную витрину.

Не обращая внимания на раздраженного продавца, маячившего за витриной, Маккензи впился взглядом в стекло – в нем, как в зеркале, отражалась едва ли не половина улицы. Угла обзора вполне хватало для того, чтобы видеть, что творится за спиной, и Томас этим воспользовался. Ему было прекрасно видно, как незнакомец в котелке прошествовал мимо дома Макгрегоров и направился к мосту, повторяя путь самого ученого. Он не особо торопился, но шел уверенно, ходко, явно преследуя какую-то цель, а не просто прогуливаясь. Когда он проходил по другой стороне улицы, прямо за спиной Томаса, ученый подобрался, боясь, что его узнают,

но незнакомец даже не взглянул на одинокую фигуру у витрины табачной лавки – прошел мимо и, обогнув лоток зеленщика, направился к мосту. Томас выждал минуту, следя за передвижением незнакомца, а когда тот пропал из поля зрения, развернулся, и не спеша двинулся следом, стараясь не выпускать из вида черный котелок.

Незнакомец, казалось, и не подозревал, что за ним следят. Не прибавляя шага, он дошел до моста, соединявшим Парковый Остров с остальным городом, так же как и все прошелся по каменной арке, что давно уже было пора заменить современной раздвижной конструкцией, и лишь в середине моста сбавил шаг, видимо, немного утомившись. Томас воспользовался этим и постарался нагнать незнакомца, но аккуратно, не привлекая внимания. К тому времени как ученый достиг середины моста, незнакомец уже добрался до противоположной набережной и вскинул руку, подзывая кэб.

Заметив это, Маккензи поторопился, опасаясь потерять объект слежки. Это прошлой ночью у моста не было ни единого кэба, а вот сегодня, при свете дня, этих ленивых засонь было не меньше дюжины. Некоторые, впрочем, следовали с пассажирами по своим делам, но у дальнего перекрестка нашелся свободный. Заметив поднятую руку, кэбман подхлестнул лошадку длинным кнутом и подогнал свой экипаж к пассажиру, чуть не задавив вороватого вида мальчишку, что крутился вокруг прохожих, покидавших мост.

За это время запыхавшийся Томас успел добраться до набережной и увидеть, как незнакомец вскочил в кэб. В отчаянье Маккензи закрутил головой, вскинул руку, жалея, что оставил дома свисток для вызова кэбов. На свист этой маленькой штучки возницы спешили с большим удовольствием, заранее зная, что их ожидает пассажир. А вот поднятую руку могли и не заметить – мало ли чудачков машет руками.

Но Томасу повезло – на той стороне улицы стоял еще один хэнсом. Не желая упускать клиента, кэбман лихо подкатил к ученому, чуть не придавив его огромным колесом.

– За тем кэбом с белым пятном на колесе! – бросил Томас, вскакивая на подножку, – пара шиллингов сверху оплаченной дороги!

Сутулый и шуплый кэбби, примостившийся наверху своего экипажа сдержанно хмыкнул, – видно, затея с преследованием коллеги ему не слишком понравилась. Но возражать не стал – предложение Маккензи было хоть и не слишком щедрым, но вполне выгодным. Щелкнув хлыстом, возница хлопнул вожжами по крупу старой гнедой лошадки и его экипаж тронулся с места, следуя за первым, успевшим добраться до соседнего квартала.

Томас откинулся на деревянное сиденье, натянул цилиндр на лоб и постарался стать незаметным. Ему было плохо видно, что происходит впереди, но порой он все же замечал кэб с незнакомцем – тот двигался без спешки, но достаточно уверенно, продвигаясь, видимо, знакомой дорогой.

Распаленное воображение ученого рисовало ему различные картины окончания пути – вот он, преследуя незнакомца, оказывается у Колледжа Географии, у клуба путешественников, или, например, в загадочном поместье на окраине Лонбурга, у старой усадьбы, окутанной туманом. А может и вовсе – у центрального управления полиции, если незнакомец и правда шпик.

Дорога вышла неожиданно долгой. Настолько, что Томас начал беспокоиться, хватит ли у него наличности в кошельке, чтобы расплатиться с возницей. Около часа они блуждали по улицам Лонбурга, и, Томас, успевший успокоиться, стал находить слежку весьма скучным занятием. Сначала его экипаж проехался по набережной, потом свернул на восток, прочь от центра. Здесь, на широких улицах к востоку от обычных маршрутов Томаса, былолюдно, а на мостовых, смазанных битумом, тесно от кэбов, экипажей и омнибусов. Всю дорогу через этот большой район им пришлось проделать чуть ли не шагом, в тесном ряду других движущихся средств. Водители омнибусов, например, недолюбливали шустрых кэбби, и, порой, нарочно преграждали им проезд.

В самом центре, там, где ходила современная конка, Томасу пришлось пережить несколько неприятных минут, когда он потерял из виду кэб незнакомца. Впрочем, он быстро нашелся в толпе хэнсомов у вокзала Анны. Томас приготовился скомандовать остановку, но незнакомец проследовал дальше – на восток, вдоль русла Тары. Возница Томаса отправился следом, и вскоре они покинули густонаселенные кварталы. Здесь, вдоль реки, располагались современные фабрики и заводы, построенные на месте старых кварталов. Весьма непрезентабельные места, малопригодные для жилья. Впрочем, здесь располагалось много домов, где ютились семьи рабочих.

Не остановился незнакомец и здесь – его экипаж проследовал дальше, и Томас, наконец, сообразил, куда он направляется. За промышленным районом, располагались верфи и северный порт – настоящий лабиринт, включающий в себя трущобы, блошинные рынки, притоны, и все прочее, что сопровождает округу, наполненную рабочими, матросами, солдатами и всевозможной шушерой, кормящейся за их счет.

Томас никогда ранее не бывал в этих краях, поэтому с тревогой наблюдал за блужданием кэба незнакомца, не зная, где тот остановится. Тот проехал шумный квартал развлечений, миновал два въезда на верфи, обогнул забор сухого дока, и остановился, наконец, на площади Дюка, застроенной старыми трехэтажными доходными домами с облупившейся штукатуркой.

Маккензи дернул за шнурок, призывая кэбби остановиться, выскочил на грязную мостовую еще до того как экипаж притормозил, и направился к кэбману. Вопреки тревогам ученого, дальний путь обошелся ему в приличную сумму, но не разорил его. В кошельке после уплаты обещанного вознаграждения еще звенели монеты, и их должно было хватить, чтобы выбраться из этой дыры.

Расплатившись с возницей, Томас, придерживая цилиндр, поспешно пересек площадь под пристальными взглядами шайки уличных оборванцев, и двинулся следом за незнакомцем, что успел уже выйти с площади и пройти по узкой и грязной улочке вглубь квартала.

Шагая по мощеной брусчаткой улице, тянувшейся вдоль набережной, перегороженной покосившимися заборами, Маккензи непроизвольно замедлил шаг. Хоть он и редко путешествовал по городу, но отлично помнил карту Лонбурга, висевшую в холле Колледжа, и потому ему не составило труда сориентироваться. Здесь, на северном берегу Тары, располагались три старейших дока, где разгружались баржи с зерном. Два дока принадлежали старейшей Континентальной Компании, доживающей последние дни, а один – новейшей Звезде, перекупившей несколько мелких кораблей у разорившихся владельцев судов. Практически все причалы с разгружающимися речными судами были огорожены высокими заборами, а из-за них торчали покосившиеся бараки и наспех сооруженные высокие пакгаузы. Со всех сторон доносился непрерывный шум работающих паровых двигателей и грохот, сопровождающий любые погрузочные работы. Из нескольких распахнутых ворот на улицу выливался поток обитателей доков – грузчики, матросы, рабочие, торговцы разносным товаром – вся эта толпа сновала взад и вперед по улице, напоминая растревоженный муравейник.

Очутившись в такой непривычной среде, Томас даже не сразу понял, что замечен на этих улицах не хуже бельма на глазу хромого шарманщика. Лишь поймав несколько весьма вызывающих взглядов, Маккензи сообразил, что, пожалуй, не стоит идти прямо по центру улицы. На ученом был длинный плащ, под ним прятался привычный черный сюртук, доходящий до колен. Из его отворотов выглядывала белоснежная рубашка со сменным воротником, на голове красовался вычищенный до блеска цилиндр. В руках Томас сжимал плотно свернутый новый зонт. На ногах у него были обычные оксфордские ботинки на шнурках, когда-то блестящие, а ныне, увы, покрытые плотным слоем уличных нечистот. В целом, молодой ученый заметно выбивался из толпы обычных обитателей задворков верфей и доков, что кидали косые взгляды на красавчика, забредшего в их владения.

Томас тихонько переместился на другую сторону улицы, поближе к домам из серого камня, с облупившейся штукатуркой. Пробираясь от крыльца к крыльцу, он следовал за загадочным незнакомцем, отчаянно надеясь, что местные обитатели примут его хотя бы за строительного инспектора, явившегося осмотреть развороченную улицу.

Подозрительный тип, как оказалось, вовсе не спешил. Он шел шагах в двадцати впереди Томаса, довольно уверенно, но, кажется, совершенно бесцельно. Порой он останавливался, чтобы взглянуть на мелочевку в лотке уличного торговца, или перекинуться парой слов с подозрительными типами, оттирающимися у открытых дверей лавок.

Такая неторопливость была на руку Томасу, и он тоже не спешил – уверившись, что незнакомец не делает попыток скрыться, он старался не подходить к нему близко, чтобы не обнаружить себя. Просто шел по улице вдоль потрепанных домов, лавируя в толпе местных завсегдатаев и стараясь ни с кем не сталкиваться. Дома здесь были под стать жильцам – потрепанные и грязные. Первые этажи были сложены из серых тесаных камней. Остальные – надстроены из кирпича, щедро вымазанного серой же штукатуркой, что отваливалась огромными кусками, обнажая кирпичную кладку. На первых этажах этих уродливых зданий, чьи окна были чаще всего плотно закрыты ставнями, располагались всевозможные лавки. Здесь торговали всеми пряностями востока, табаком из Таркии и Бангалора, коврами, копчеными цыплятами, грубыми плохо выпеченными кусками хлеба, веревками и фонарями, свечами и маслом для светильников, потрепанной одеждой и еще тысячей всяких шутовщин.

Заинтересовавшись изображением крылатой свиньи, лишь отдаленно напоминавшей упомянутого на вывески борова, Маккензи отвлекся, и лишь краем глаза заметил, как взметнулся плащ-крылатка. Обернувшись, он увидел, как плащ незнакомца исчезает за облупившимся углом дома, до которого было шагов двадцать, не меньше. Маккензи бросился следом, расталкивая прохожих и шлепая по грязным лужам, скрывавших в себе омерзительно скользкие ошметки мусора.

В мгновение ока запыхавшийся Томас долетел до заветного угла, завернул за него, и оказался в узеньком переулке, разделявшем два старых дома. Глухие высокие стены, полутьма, кучи мусора, доходящие до пояса и лишь впереди – тусклый просвет. Именно там, впереди, у света, и мелькала темная фигура незнакомца в плаще. Маккензи понимал – еще минута, и тот растворится в этом чудовищно грязном лабиринте. Бежать за ним привлекая внимание? Оставить все как есть?

Незнакомец тем временем двинулся дальше, забираясь все глубже в переулок, и Томас принял решение. Придерживая рукой цилиндр, он бросился следом, отчаянно размахивая рукой с зонтом, чтобы сохранить равновесие. Незнакомец, тем временем, куда-то свернул и исчез. Маккензи прибавил шаг и добрался до крохотного перекрестка, где переулок выходил на крохотную пустую улочку, что больше походила на задние дворы. Вылетев на нее, ученый поскользнулся, проехался по грязи до противоположного крыльца, оглянулся, и увидел, как незнакомец нырнул в очередной переулок, что выглядел еще более узким, чем первый. Не размышляя ни секунды, Маккензи ринулся следом, уворачиваясь от веревок с подсыхающим стиранным бельем, с вечным сероватым налетом угольной пыли.

Ворвавшись в узенький переулок, Томас обнаружил, что незнакомец исчез. Но проход между домами был прямым как стрела и Маккензи решительно углубился в полутьму, исполненный решимости довести дело до конца.

Практически бегом он преодолел переулок и в самой его глубине наткнулся на развилку. Налево уходил крошечный ход между двумя стенами без окон. Направо вел, собственно, сам переулок, что постепенно расширялся и должен был, когда-нибудь, вывести на новую улицу. Томас остановился. Проклятье! Похоже, вся его эскапада закончилась ничем. Куда мог пойти незнакомец? Направо, к выходу на улицы этого квартала, чтобы затеряться в толпе, или налево – в укромные лабиринты задворков? Куда же свернуть?

Размышляя над этим нелегким вопросом, Томас сосредоточился и вдруг услышал за спиной топот ног. Резко обернувшись, он отпрянул от неожиданной картины – у него за спиной, из полутьмы, вдруг возникла настоящая банда преследователей. Их было пятеро – крепких на вид докеров в промасленных куртках, что бежали по узкому переулку, порой сталкиваясь на ходу и отчаянно бранясь. Вел их за собой мерзавец с огромными черными усами, пытавшийся зарезать Томаса прошлой ночью.

Бежать было поздно – это Томас отлично понимал. Преследователи были уже в двух шагах от него, и Маккензи не сомневался, что если он подставит им спину, в нее тут же вонзится нож. Поэтому он отступил на шаг, вжался спиной в грубую каменную кладку, перекинул зонт в левую руку и выставил его перед собой наподобие сабли. Правую руку Томас сунул в карман, нащаривая свое изобретение, что доставляло ему столько неудобств во время погони.

Когда до Томаса оставалась пара шагов, усатый вожак банды замедлил шаг, вскинул руку, призывая своих сообщников к осторожности, и медленно шагнул вперед. Его хищные маленькие глазки, скрывавшиеся под кустистыми бровями, жадно обшарили фигуру ученого. Пятеро громил, остававшиеся на шаг позади вожака, тем временем, вышли на развилку и тихонько, вдоль стен, раздвинулись по сторонам, перекрывая жертве путь к бегству.

Усатый вожак, не отрывающий взгляда от побледневшего лица ученого, сунул руку за отворот двубортного плаща, и легким движением вытащил на свет длинный острый нож. При этом Томас успел заметить, что из-под рукава бандита высовывается кусочек белой повязки. Похоже, его вчерашний удар не прошел даром. Приободрившись, Томас без трепета встретил взгляд разбойника.

– Кто вы такие и что вам надо? – резко спросил он, не желая выглядеть испуганной до полусмерти жертвой.

– Опасно совать свой нос в чужие дела, мистер, – хрипло произнес главарь, делая крохотный шагок в сторону Томаса. – Мы те, кто отрезает чужие любопытные носы. А нужен нам ты, и твой шустрый дружок. И ты нам скажешь, куда он подевался. Правда, красавчик?

Томас до боли сжал зубы, сверля разгневанным взглядом ухмыляющегося бандита. Его подозрения о том, что незнакомец заманил его в ловушку, рассеялись. Пожалуй, в его бедственном положении была виновата только собственная глупость. Кем бы ни был тот подозрительный тип, он явно не играл в одной команде с этими подонками.

– Сначала, – хрипло продолжил усатый, не дождавшись ответа, – я отрежу твое чертово чистенькое ухо. Левое. Потом правое. Потом отрежу тебе оба мизинца и вот тогда, я уверен, ты расскажешь мне, где искать того наглеца.

– И не подумаю, – отрезал Томас, указывая зонтом прямо в грудь вожаку. – И на этот раз, пожалуй, я отсеку твою мерзкую воровскую лапу целиком.

За спиной вожака сдавленно заухал один из громил, и взгляд усача полыхнул вспышкой ярости.

– Тихо! – крикнул он, вскидывая руку. – Займемся сначала этим. А потом найдем того.

– Не думаю, что тебе придется долго искать, – раздался громкий голос из переулка.

Томас в изумлении поднял глаза и увидел знакомую фигуру в плаще-крылатке, что медленно появилась из темноты переулка прямо за спиной всей шайки. Незнакомец умудрился каким-то образом выбраться из лабиринта переулков и вернуться другим путем, зайдя в тыл к негодяям. Теперь банда оказалась зажатой между Томасом и незнакомцем. Но противников было слишком много – пятеро громил плюс усатый вожак против двоих. Это не слишком хороший расклад.

Видимо так же думал и главарь шайки. Глаза его зажглись радостным блеском, он вскинул руку с ножом.

– Взять его, – крикнул он подручным. – А этот – мой!

И прыгнул прямо на ученого.

– 10 —

Томас встретил атаку противника холодно и расчетливо, словно перед ним был партнер в фехтовальном зале. Оттолкнувшись от стены всем телом, он сделал выпад зонтом, нанеся безупречный укол точно в лицо главаря шайки. Тот был готов к отпору и успел уклониться от удара. Левой рукой бандит смахнул в сторону зонт, не имеющего, увы, острого клинка, и снова бросился в атаку.

Маккензи знал, что зонтиком не остановить уличного убийцу, но он и не собирался этого делать. Все что ему было нужно – задержать его на пару секунд, остановить первую атаку, чтобы вытащить из кармана свое изобретение. И ему это удалось.

Когда усатый бросился на него во второй раз, правая рука Томаса покинула карман, описала короткий полукруг и с силой, размеряно и точно, ударила по руке бандита, сжимавшей длинный нож.

Короткий треск электрического разряда слился с воплем пораженного искусственной молнией бандита. Синие щупальца разрядов скользнули по руке усача, ударили его в плечо, и уличный разбойник отлетел назад, с размаха хлопнувшись спиной о каменную стену переулка. С коротким стоном главарь шайки осел на землю, и застыл в мусорной куче, пуская слюни из раскрытого рта.

Томас на мгновение застыл над противником, сам пораженный произведенным эффектом. Идея оправдала себя на сто процентов! Кристаллы кварца, при сжатии выделяющие ток, крохотные, но емкие аккумуляторы, запасавшие его, пара проводников – и вот, готова карманная молния! Электрический кастет – превосходное оружие обороны!

Вспомнив о том, что сражение еще идет, Маккензи резко обернулся, готовясь встретить новую атаку. Но таинственный незнакомец, как оказалось, превосходно справлялся и без посторонней помощи. Он занял оборону в узком проходе и бодро размахивал перед собой изогнутым ножом, не подпуская к себе бандитов. Один из них уже валялся на земле, держась обеими руками за живот и тихо подвывая. Над ним топтались его дружки, все четверо, пытались оттеснить незнакомца в плаще подальше от павшего товарища, чтобы тот не мешался под ногами. Разбойники вовсе не выглядели беспомощными, они тоже не позабыли вооружиться, и действовали весьма умело.

Самый здоровый из них сжимал обрезок железного прута, у другого в руках мелькала огромная острая свайка. Третий был вооружен древним морским кортиком, напоминавшим обрубок сабли, а четвертый сжимал в руках увесистую дубинку, явно залитую изнутри свинцом.

Незнакомец вертелся меж стен переулка как бес на сковороде, демонстрируя чудеса ловкости, достойные акробатов Королевского Цирка. Но постепенно, дюйм за дюймом, он был вынужден сдавать позиции – разбойники тоже не выглядели новичками уличных разборок, и действовали слажено, как одна команда. Пока первый подставлял под удар страшного ножа свой железный прут, второй пытался дубинкой дотянуться до незнакомца, а остальные дружно атаковали, пытаясь своими орудиями поцарапать руки противника. Пожалуй, перевес был на стороне нападающих, и Томас решил, что его помощь будет не лишней.

Пригладив большим пальцем свои светлые усики, Маккензи оглянулся на бесчувственное тело главаря шайки, а потом решительно зашагал к схватке, что переместилась вглубь переулка. На ходу Томас крепко сжал рукоять своего оружия, до щелчка. Потом еще раз. Слыша, как скрипят кристаллы кварца, Маккензи сжал зубы, так, что на скулах проступили желваки. Он, наконец, получил ответ на тот вопрос, что мучил его прошлой ночью – что он будет делать, если на него снова нападут в темном переулке. Он даст достойный отпор.

Бандиты, азартно нападавшие врага, не заметили, что к ним в тыл пробрался еще один противник. Томасу не составило никакого труда подойти ближе к дерущимся и выбрать себе мишень. Не привлекая к себе внимания, он дождался удобного момента, а потом просто шагнул вперед, вытянув руку. Электроды кастета коснулись незащищенной шеи здоровяка, чуть выше чудовищно засаленного воротника, и короткая вспышка разряда вновь озарила переулочек. Мышцы бандита резко сократились, железный прут вылетел из сведенных судорогой пальцев, сам он нырнул головой вперед, ткнулся головой в землю, и затих.

Строй атакующих распался. Пораженные внезапной атакой с тыла, бандиты попытались развернуться лицом к новой опасности, но Томас и незнакомец не дали им ни шанса. Маккензи успел щелкнуть рукоятью кастета, перезаряжая его, увернуться от слишком поспешного и неловкого укола свайкой, и припав на одно колено, как при длинном выпаде в фехтовании, ударил в бедро противника. Острые кончики электродов без труда прокололи грязные потертые бриджи, и мощный электрический разряд скользнул по ноге бандита, исторгнув из его луженой глотки душераздирающий вопль.

Сотрясаемый судорогами уличный громила выронил оружие, рухнул на землю, чуть не придавив ученого, и принялся пускать пузыри. Томас же одним рывком поднялся на ноги, успев как раз к окончанию схватки.

Шустрый незнакомец не упустил шанса воспользоваться замешательством в рядах противника. Пока Маккензи разбирался со своими громилами, незнакомец успел атаковать оставшихся на его долю. Бандиту с кортиком пришлось хуже всех – он представлял наибольшую опасность и потому незнакомец проткнул ему руку своим огромным ножом. Еще до того как кортик загромыхал по мостовой, незнакомец свалил ее бывшего обладателя чудовищным ударом сапога в живот. Потом, резко развернувшись, он схватил ладонью дубинку оставшегося бандита, что грозила ударить его по голове, резко ее крутанул на себя и шагнул в сторону. Оставшемуся громиле пришлось сделать шаг вперед, его руки заплелись, дубинка выскользнула из них, чуть ли не волшебным образом перекочивая к незнакомцу. Он, продолжая движение дубинки, взмахнул своим новоприобретенным оружием, отвесил удар по голове последнего бандита и отправил его в нокаут.

Когда бесчувственное тело последнего из шайки упало к ногам незнакомца, пораженный Томас медленно выпрямился. С изумлением он глядел на растрепанного широкоплечего мужчину в плаще, застывшего над грудой поверженных бандитов, сжимавшего в одной руке изогнутый нож, а в другой тяжелую дубинку. Кажется, вся схватка заняла несколько секунд, не больше, и только сейчас Маккензи начинал понимать, какое это было чудо – двое против шестерых в темном Лонбургском переулке...

Незнакомец опустил свои орудия и смерил ученого удивленным взглядом, с заметной долей уважения. Вскинув в притворном удивлении узкую бровь, незнакомец отсалютовал Томасу своим ножом словно шпагой, и сказал:

– Вы снова удивили меня, мистер Маккензи. И на этот раз гораздо больше. Что это за чертова штука у вас в руках? Богом клянусь, повидал я за свою жизнь немало, но такого еще не встречал, ни в метрополии, ни в колониях.

Прежде чем ответить, Томас, так и не опуская своего страшного орудия, внимательно изучил фигуру незнакомца, пытаясь понять – на чьей же он, все-таки, стороне.

– Назовитесь, – потребовал Маккензи. – Кто вы такой?

Незнакомец, ухмыльнувшись, распахнул плащ и спрятал в ножны, висевшие на поясе, свой чудовищный клинок. Потом крутанул в руках дубинку, словно примериваясь к ее весу. Томас внимательно следил за этими манипуляциями, не отводя взгляда от странного типа и держа наготове свое электрическое оружие. Маккензи был смертельно серьезен, взгляд его застыл, на скулах играли желваки, плечи напряжены – ученый готов был продолжить схватку, если бы его не удовлетворил ответ незнакомца. Тот, судя по всему, прекрасно это понял. Опу-

стив дубинку, он вскинул руку к черному котелку-дерби, небрежно коснулся его двумя пальцами, и отрекомендовался:

– Никлас Арчибальд Райт, штаб-сержант Второго Пехотного Полка Бангалора, полевая разведка. В отставке. Ныне – охотник за наградой.

– Охотник? – Томас с подозрением окинул взглядом крепкую фигуру нового знакомого, не опуская своего оружия. – И на кого же вы охотитесь, мистер Райт?

– На всех, за чью поимку назначена награда, сэр Томас, – невозмутимо ответил тот. – Армия нанимает меня для поимки дезертиров. Суды просят обеспечить явку обвиняемых на заседания, или найти тех, кто уклоняется от исполнения решений суда. Полиция иногда просит найти на Лонбургском дне особо опасных преступников, что на милю не подпускают к себе шпики. Охотник за головами – так нас называют в бульварных листках.

– Ах, вот что, – Маккензи опустил руку с кастетом и с любопытством окинул взглядом крепкую фигуру мистера Райта.

Томас, конечно, знал об охотниках за головами. Непрерывная череда колониальных войн требовала непрерывного потока новобранцев для славной королевской армии Оркнеи. И далеко не все из них соглашались добровольно принять эту честь – сражаться за Великую Империю. Число уклонистов и дезертиров постоянно росло. Беглецы, вынужденные скрываться от властей, без колебаний вливались в криминальный мир Оркнеи, пополняя и без того немалые ряды преступной гвардии. Преступность росла, военные и полиция не справлялись с охраной правопорядка и, порой, привлекали для решения проблем простых граждан. В основном, конечно, отставных военных, обладавших нужным опытом. Но мистер Райт выглядит слишком молодым...

– Здоровье вынудило меня покинуть действительную службу, – словно угадав мысли собеседника, сказал Никлас, покачивая дубинкой. – Но я по-прежнему на хорошем счету у старых армейских знакомых. В конце концов, я провел в мундире больше десяти лет.

– Больше десяти? – искренне удивился Томас, – но вы слишком молоды...

– Завербовался в пятнадцать лет, завывсив свой возраст, – с ухмылкой признался Никлас. – У сына рабочего фабрики дирижаблей есть два пути на выбор – станки и пушки. Я выбрал пушки.

– Понятно, – сухо отозвался Томас и вновь вскинул свое оружие к груди. – А теперь ответьте, мистер Райт, зачем вы следили за домом профессора Макгрегора и зачем заманили меня в эту ловушку? И потрудитесь ответить честно.

Бывший штаб-сержант задумчиво покачал дубинкой, что все еще сжимал в руках, потом оперся на нее, словно на трость, сжал губы в узкую полоску. Потом нехотя, словно преодолевая себя, признался:

– Честно говоря, для слежки у меня была масса причин. Но для начала отвечу на второй вопрос. Увы, мистер Маккензи, ловушка была не для вас, а для этих болванов. Они следили за вами. Я же привлек ваше внимание, надеясь, что моя персона не ускользнет от ваших глаз. Расчет оправдался. Вы пошли за мной, они – за вами. Я заманил всех в укромный уголок, чтобы без помех потолковать с их главарем.

– Подождите! – воскликнул Томас, осознав, что сыграл роль наживки. – Они следили за мной? Зачем?

– Понятия не имею, – Райт пожал плечами. – Вероятно, хотели закончить то дело, что начали прошлой ночью.

– Но я... – Маккензи резко обернулся, сделал пару шагов назад и зашипел, цедя ругательства сквозь стиснутые зубы.

Площадка, где ранее лежал усатый главарь шайки, опустела. Негодяй, видимо, пришел в себя во время самого разгара схватки и, решив не искушать судьбу, убрался подальше.

– Вот именно, – согласился Райт, потыкав дубинкой здоровяка у своих ног, что начал глухо постанывать и шевелиться. – Главарь сбежал в тот самый момент, когда мы разбирались с этими остолопами. К сожалению, я не мог все бросить и последовать за ним. Так что, увы, мой план провалился. Все было зря.

– А эти? – Макензи взмахнул рукой. – Они еще...

– С парочкой его дуболомов я уже успел побеседовать раньше, – откликнулся охотник за головами, потыкав палкой стонущего бандита. – Они ничего не знают, просто выполняют распоряжения своего босса. А он, конечно, не спешит делиться своими планами с этим мясом. За главарем я и охотился сегодня, но, увы...

– И что же делать? – с досадой воскликнул Томас. – Как теперь узнать, зачем я им понадобился? И что, вообще, во имя всех святых, тут творится?

Спохватившись, он обернулся к охотнику за головами, пронзил его острым взглядом и постарался взять себя в руки.

– Вы многого недоговариваете, мистер Райт, – сказал ученый. – В прошлую ночь вы не случайно оказались рядом с домом Макгрегора, как и сегодня. Зачем вы следите за домом?

– Даже не знаю, что вам ответить, сэр Томас, – отозвался Никлас, перешагивая через поверженного негодяя. – Надо сказать, у меня есть свой интерес в этом деле. Иногда я работаю сам на себя, чисто из интереса. И смерть профессора Макгрегора весьма меня заинтересовала. Я стал приглядываться к дому сэра Себастьяна, заметил подозрительную компанию, следившую за вами, пошел следом за ними... Итог вы знаете. Сегодня все повторилось.

– Чем вас заинтересовала смерть Макгрегора? – резко спросил Томас, начинающий терять терпение.

Никлас резко повернулся, взмахнул дубинкой и обрушил ее на голову здоровяка, что пытался подняться на колени, воспользовавшись тем, что его противники заняты разговором. Дубинка с глухим стуком опустилась на затылок бандита, и он рухнул обратно на брусчатку.

– Не поймите меня неправильно, сэр Томас, – мягко произнес охотник за головами, обернувшись к собеседнику, прожигавшего его взглядом. – Быть может, мои слова покажутся вам странными, но... Я думаю, что профессора Макгрегора убили.

Томас смерил своего собеседника изумленным взглядом. Выражение его лица не ускользнуло от бывшего сержанта разведки, и он ухмыльнулся.

– О! – сказал Никлас. – Вижу, вы тоже подумывали о таком варианте, верно мистер Макензи?

– Откуда вы... – начал Томас и тут же оборвал сам себя на полуслове. – Ладно. У меня тоже есть некоторые подозрения.

– Как интересно, – медленно произнес охотник за головами, прикоснувшись указательным пальцем к своему острому подбородку. – У вас есть подозрения насчет убийства профессора, за вами следит банда наемных громил, пытается вас убить... Вам не кажется, мистер Макензи, что в этом надо разобраться?

– Еще как кажется, – бросил раздосадованный Томас. – Я думаю, нам с вами нужно многое обсудить.

– Согласен, – отозвался Никлас и вскинул указательный палец к небу. – Но – не здесь.

Томас обернулся, окинул взглядом поле боя. Пострадавшие громилы начинали потихоньку приходить в себя. Тот, что был повержен первым, уже успел сбежать, последовав за своим вожаком. Оглушенный дубинкой бандит лежал без чувств, но второй, раненный в руку, уже успел тихонько отползти в сторонку, оставляя за собой едва заметный кровавый след. Здоровяк, первым получивший электрический разряд, глухо постанывал и, судя по звукам, собирался извергнуть на мостовую содержимое желудка.

– Вы правы, – согласился Томас, пряча в карман свое оружие. – Вы точно не желаете побеседовать с этими подонками?

– С этими? – охотник за головами хмыкнул. – Этот, что стонет, Вильям Глаз, с ним я уже беседовал прошлой ночью. Вон тот – Свайка из доков, он даже имени своего настоящего не знает. Увы, сэр Томас, это все пустышки, этим мясникам никто не доверит тайну. Я уже выяснил, что для беседы мне нужен тот усатый главарь.

– Хорошо, – сказал Томас. – Может быть, вы знаете, как нам отсюда выбраться?

– Знаю, – отозвался Райт. – Здесь неподалеку остановка омнибуса. Можно доехать до вышки грузовых дирижаблей, а там поймать кэб.

– Тогда – ведите, – решительно выдохнул Маккензи. – До моего дома довольно далеко и нам надо поторопиться.

– К чему такая спешка? – удивился Никлас. – Мы можем, например, добраться до моста и посидеть за кружкой пива в одном из...

– В таком виде? – возмутился Томас, указывая на свой измазанный грязью плащ и заляпанные зеленой жижей ботинки. – Вы, надеюсь, шутите, мистер Райт?

– Ну, я же не предлагаю вам отправиться в Королевскую Оперу, – немного обиженно заметил бывший сержант, чей плащ был замаран ничуть не меньше.

– Ко мне домой, – отрезал Томас. – И побыстрее. Ко мне должна прийти племянница профессора Макгрегора. Нам нужно собраться всем вместе и обсудить смерть сэра Себастьяна.

– Та рыжая? – Райт заинтересованно хмыкнул. – Так вот, кто эта девица. Что ж. Конечно, нельзя заставлять леди ждать. Вперед, сэр Томас, вперед!

Томас ожег нового знакомого суровым взглядом, не разделяя его вульгарного отзыва о молодой леди, но, увы, его гнев пропал даром. Охотник за головами успел отвернуться и быстрым шагом устремился вперед по узкому переулку, и рассерженному Томасу пришлось просто отправиться следом.

– 11 —

Обратная дорога измотала Томаса. Уже на пути к вышке дирижаблей он чувствовал себя невероятно утомленным и разбитым. Возбуждение от схватки прошло, оставив после себя ноющие мышцы ног, растянутую кисть и горечь на языке. Гнев, что давал молодому ученому силы, истощился, сошел на нет, оставив после себя пыль и пепел разочарования. Маккензи удивлялся сам себе – как он, ученый, верящий в неизбежность наступления золотого века человечества, джентльмен и мыслитель, мог опуститься до банальной уличной драки? Самым худшим было то, в чем Томас мог с трудом признаться самому себе. Он получал удовольствие от того, что произошло в переулке. Схватка разбудила древние инстинкты, заставила пульсировать в жилах кровь, почувствовать себя живым. И Томас, как приматы сэра Дарвина, о коих ученый писал в своих заметках, пошел на поводу этих самых инстинктов. Размахивая оружием, Маккензи чувствовал себя на вершине наслаждения от чувства власти, что давала ему технология. Теперь же он испытывал лишь стыд от своего дикарского поведения.

У ворот порта грузовых дирижаблей спутники смогли сесть в омнибус, регулярно курсирующий по своему немудреному маршруту. Большой экипаж, набитый рабочими, медленно увез их прочь от огромной иглы причальной вышки дирижаблей, еще долго маячившей над крышами окраин Лонбурга. Томас хмуро смотрел прямо перед собой, стараясь отрешиться от тряски и тесноты омнибуса. Сырая солома на полу сгнила и невероятно воняла. Испарения грязных тел попутчиков так же не прибавляли очарования долгому путешествию. По счастью, обошлось без скандалов между пассажирами и кондуктором, традиционными для подобных рейсов. Новый знакомый сидел рядом с Макензи, но за все время дороги спутники не обменялись ни словом – разговаривать при посторонних было глупо, да и Томас, надо признаться, пребывал не в лучшем расположении духа и не стремился к общению.

У вокзала Анны оба сошли с омнибуса и прошлись по площади в поисках свободного кэба. Между рядов из колесных экипажей сновали мальчишки с лотками, предлагая разнообразные мелочи, но спутников интересовал лишь транспорт. Хэнсома найти так и не удалось – все они были или заказаны заранее или ждали седоков. Пришлось нанять четырехколесный брум, арендовав его на двоих. За это пришлось выложить чуть больше денег, но Томас, утомленный дорогой, без разговоров выложил остатки мелочи из кошелька – лишь бы побыстрее добраться до дома.

К тому времени как брум остановился на улице Пекарей напротив лавки Финниганов, едва не задавив молочника с опустевшей тележкой, Маккензи пребывал в самых глубоких пучинах меланхолии. Последней каплей стало то, что он осознал, что опять сломал в пылу драки новейший зонт. Кроме того, хотя Томас и подобрал свой упавший цилиндр, он обнаружил на нем чудовищные пятна грязи, что грозило головному убору капитальной чисткой, а его владельцу – новыми расходами.

Его спутник, напротив, пребывал в чудесном расположении духа. Выбравшись из экипажа, он помог выйти Томасу, а потом окинул пытливым взглядом улицу Пекарей.

– Милое местечко, – сказал он, осмотрев окрестности. – И недалеко от центра.

Томас лишь вздохнул и побрел к двери лавки Финниганов давным-давно потемневшей от лонбургского смога и непогоды. Распахнув дверь, он тут же попятился – миссис Финниган, выпорхнув из-за стойки, бросилась прямо к своему жильцу, чуть не сбив его с ног.

– Сэр Томас! – воскликнула она. – Сэр Томас, простите, мы ничего не могли сделать, совсем ничего...

– Что, – Маккензи попятился. – Что такое?

– Она у вас в комнате, сэр Томас, мы не хотели ее пускать, но она была так настойчива, так настойчива, сэр Томас мы не могли...

– Кто? – резко спросил Райт, появляясь за спиной ученого.

Мери Финниган отпрянула, бросив испуганный взгляд на своего постояльца. Томас нахмурился и обернулся к спутнику.

– Миссис Финниган, это Никлас Райт, мой... – Маккензи на секунду замешкался, не зная, как представить гостя, но потом нашелся, – мой компаньон. Мистер Райт, это Мери Финниган, моя домохозяйка.

– Очень приятно, – тут же выпалил Никлас, отодвигая Томаса и проходя в лавку. – Так что случилось с комнатой Томаса?

– Эта леди, – пролепетала Мери, переводя взгляд с ученого на его спутника и обратно. – Она явилась час назад и сразу прошла в вашу комнату, хотя мы ей говорили, что так нельзя...

– Рыжеволосая, молодая, та, что была здесь утром? – осведомился Райт, разглядывая корзинки с пирожными, выставленные на прилавок.

– Да, именно она! Эндрю сейчас с ней, негоже оставлять ее одну в вашем кабинете, но мы...

– Все в порядке, миссис Финниган, – устало произнес Томас. – Я назначил ей встречу, но, к сожалению, не имел времени, чтобы уведомить вас. Прошу извинить нас за беспокойство.

– О, ну что вы, сэр Томас, – домохозяйка, успокоившись, отступила на шаг, поглядывая в сторону Никласа, что с интересом осматривал лавку. – Просто... просто так неловко вышло.

– Ничего, – терпеливо произнес Томас, обрадованный возможностью вновь увидеть племянницу профессора, и тут же понизил голос до шепота. – Миссис Финниган, не будете ли вы так любезны послать кого-нибудь в трактир на углу Горшечной? Пусть принесут что-нибудь из дневного меню. Ветчины, хлеба, устриц, например. Думаю, мы все некоторое время проведем у меня в кабинете и...

– Конечно, сэр Томас, я все понимаю, – таким же шепотом ответила домохозяйка, бросив косой взгляд на Райта, что терпеливо дожидался окончания разговора. – Я что-нибудь придумаю.

– Благодарю, Мери, – проникновенно отозвался Томас, надеясь, что фантазия домохозяйки позволит ей соорудить закуску, подходящую для молодой леди.

Повернувшись, Маккензи сделал Райту знак следовать за ним, и прошел за прилавок, свернув в крохотный коридор, ведущий к узкой лестнице. Уже поднимаясь по скрипучим ступенькам, он услышал глухой рокот голоса Эндрю, что не решился оставить гостью наедине с вещами хозяина кабинета. Это было очень мило, с его стороны, но совершенно излишне.

Поднявшись по лестнице, Томас свернул к своему кабинету и тут же наткнулся на хозяйина дома, что стоял у распахнутых дверей, бросая в комнату сердитые взгляды. Отставной сержант и рта не успел раскрыть, как Томас тут же взял разговор в свои руки.

– Все в порядке, Эндрю, – быстро сказал он. – Мы побудем у меня в кабинете. Помогите, пожалуйста, жене с ланчем.

Эндрю захлопнул открытый рот и смерил пронзительным взглядом Райта, что бесшумной тенью следовал за своим новым знакомым. Бакенбарды Эндрю встопорщились, он прищурил один глаз и, удовлетворенный своим осмотром, хмыкнул:

– Пыльные сапоги.

Никлас ответил сержанту точно такой же кривой ухмылкой и тихо произнес:

– Мокрые штаны.

Эндрю заулысался во весь рот, ухая не хуже филина, и тяжелой поступью двинулся к лестнице, протиснувшись мимо гостей. Томас же, приготовившись вежливо улыбнуться, поспешил в кабинет.

Эмма действительно была в его комнате. Она устроилась за столом самого Томаса, пригнотившись на грубом деревянном стуле, порой заменявшем ученому журнальный столик. Вся аппаратура Маккензи была небрежно сдвинута на дальний край стола, а в самом центре Эмма разложила кучу бумажных листов. Сама она что-то быстро писала карандашом на грубой картонной папке, бросая взгляды на пожелтевший лист бумаги, лежавший рядом.

От такой бесцеремонности Маккензи слегка опешил, и вежливая улыбка угасла на его губах. Эмма была прекрасна – это Томас отметил сразу. Она успела сменить свое платье на другое, более свободное, из грубой серой материи. Это не портило ее – наоборот, простенькое платье без лишних рюшечек и модного турнюра, с узкими рукавами и закрытыми плечами лишь подчеркивало природное очарование владелицы. Ее волосы теперь были аккуратно уложены в пучок. Лишь одна длинная, завитая спиралькой прядь, опускалась из-за уха на хрупкое плечо.

Услышав шаги, Эмма резко обернулась, и ее щеки вспыхнули румянцем.

– Томас! – воскликнула она, поднимая карандаш. – Наконец-то!

– Мисс Макгрегор, – пробормотал Томас, делая шаг вперед, и отчаянно жалея, что у него сейчас нет возможности спрятать грязный цилиндр, что он сжимал в руках, и выбросить ко всем чертям заляпанный разной дрянью из переулков плащ. – Простите за это вынужденное ожидание, но, к сожалению, я только сейчас смог добраться до дома...

– Ничего, – отозвалась девушка, бросив острый взгляд на Райта. – Я уверена, что вас задержали воистину важные и неотложные дела.

– О, простите, – спохватился Томас, – мисс Макгрегор, позвольте вам представить Никласа Райта, штаб-сержанта пехотной разведки в отставке.

– Мисс Макгрегор, – тут же подал голос охотник за головами, делая шаг вперед. – Счастлив познакомиться с вами.

– Взаимно, – коротко отозвалась Эмма, смерив нового знакомого сердитым взглядом. – Это ваши дела задержали Томаса?

– О, нас задержали... общие дела, – тут же откликнулся Райт.

Томас с раздражением взглянул на своего нового знакомого, но потом медленно выдохнул, постаравшись взять себя в руки. Похоже, именно ему надлежит быть сегодня гласом разума.

– Одну минуту, – громко сказал он. – Позвольте мне сначала кое-что сделать.

Эмма и Никлас с удивлением взглянули на хозяина кабинета, но не произнесли ни слова. Томас же отправился за ширму, скрывавшую его крохотную гардеробную, где избавился, наконец, от грязного цилиндра и плаща. Выйдя из-за ширмы, он решительно прошествовал к дверям кабинета, плотно закрыл обе створки и даже повернул в замке ключ. Лишь после этого он обернулся к новым друзьям, подошел к столу и твердо произнес.

– Настало время для серьезного разговора. Кажется, нам всем надо кое-что рассказать друг другу. Согласны?

Райт ограничился небрежным кивком – свой котелок он, конечно, уже держал в руках и потому его пышная черная шевелюра качнулась. Эмма же медленно перевела взгляд с Томаса на нового знакомого, потом снова взглянула на ученого и тихо произнесла:

– Определенно, кое-кому стоит дать некоторые объяснения.

Молодой ученый откашлялся, все еще чувствуя себя виноватым перед племянницей профессора за вынужденное ожидание и неловкую сцену с Финниганами. Он, конечно, собирался еще раз принести свои извинения, но решил, что это дело немного подождет. Сейчас он был возбужден, как гончая, напавшая на след, и не собирался отступать, пока хоть что-нибудь не прояснится.

– Итак, – Томас повысил голос, оглядывая своих гостей, – позвольте мне, на правах хозяина этого скромного кабинета, подвести некоторые итоги.

Гости не стали возражать – Эмма откинулась на спинку стула, с интересом следя за Райтом, словно прикидывая, откуда он взялся и какое отношение имеет к их расследованию. Охотник за головами, не обращая внимания на девушку, устроился у маленького камина – сдвинул с края низкой полки статуэтку бангалорского слона и оперся локтем на пыльный серый гранит. На его вытянутом лице сохранялась вежливая улыбка, почему-то рассердившая Томаса.

– Ладно, – сказал Маккензи, решив, пора начинать. – Начнем с главного. Позавчера скончался сэр Себастьян Макгрегор, почетный профессор Лонбургского Университета, возглавлявший кафедру Новой Механики Королевского Колледжа. Он умер вечером, в своем кабинете, сидя за столом. Полиция, обследовавшая место происшествия, сообщила, что смерть наступила в результате несчастного случая. Все выглядит так, словно профессор работал с весьма ядовитым веществом, и случайно им отравился. Вероятно, в его руках сломалось предметное стекло, измазанное ядом. Оно порезало пальцы профессора, яд попал в кровь, что и привело к летальному исходу. Мне эта версия показалась весьма правдоподобной.

Эмма, неподвижно сидящая на стуле, вдруг подалась вперед, порывисто, отчаянно, словно собираясь возразить Томасу, но тот примирительно выставил перед собой ладонь, без слов давая понять, что это еще не все.

– Я и сейчас не исключаю, что, возможно, именно это и произошло в кабинете профессора. Однако у меня появились сомнения. Мне совершенно не понравилась спешка при организации похорон сэра Себастьяна. Все произошло так быстро, что это наводит на мысли о том, что кто-то попытался поскорее отделаться от тела, простите мисс Макгрегор.

Эмма, не сводящая горящих глаз с молодого ученого, лишь взмахнула рукой, призывая Томаса продолжать. Тот откашлялся, сложил руки за спиной, словно собирался читать лекцию в зале, и продолжил.

– Таким образом, это происшествие и привлекло мое внимание. Крайняя поспешность в похоронах и очень неторопливое расследование полиции кажутся мне подозрительными. Именно поэтому я и хочу выяснить, что произошло на самом деле. Мисс Макгрегор, не отка-

жите ли нам в чести выслушать причины вашего интереса к делу? Кроме, конечно, самых очевидных.

– Не буду оригинальна, – отозвалась звонким голосом Эмма, переводя пылающий любопытством взгляд на охотника за головами, что с кислой миной выслушал речь ученого. – Получив известие о кончине дяди Себастьяна, я без промедления собралась и отправилась в Лонбург. Поговорив с управляющим и экономкой, я узнала о подозрениях полиции. Роджер клянется, что дядя никогда не работал с ядами дома, и я склонна ему верить, в конце концов, он знал профессора как никто другой. Пробирки на столе, осколки стекла... Я знаю, что не каждая жидкость на столе ученого – яд. У меня тоже есть вопросы по поводу слишком уж быстрых похорон. И я намерена задать их поверенному, сыгравшему в них не последнюю роль. Как бы там ни было, я не собираюсь сидеть сложа руки, и намереваюсь узнать все об этом странном и подозрительном происшествии.

– При моей скромной помощи, – не преминул заметить Томас, поворачиваясь к гостю. – Теперь ваш черед, мистер Райт. Почему вы следили за домом профессора?

Охотник за головами окинул долгим взглядом своих новых знакомых, потом скрестил руки на груди, опершись спиной о каминную полку.

– Ладно, – сказал он, и небрежная ухмылка сошла с его узких губ. – Вижу, что у нас есть некоторые общие интересы. Я вам расскажу кое-что, но предупреждаю, это покажется вам странным.

– Поразите же нас, – саркастично заметил Томас, что терпеть не мог таких пустых и язвительных умылок.

– И поражу, – без тени сомненья ответил Никлас. – Мисс Эмма, я уже рассказывал о своей работе Томасу, но, думаю, и вам необходимо это знать. Обычно я зарабатываю на жизнь тем, что разыскиваю дезертиров для военного ведомства, или опасных бандитов для полиции. Но кроме этого, у меня есть свои увлечения. Некоторые расследования я веду для себя, чисто из интереса. Меня интересуют загадочные смерти, подозрительные самоубийства и некоторые необъяснимые случаи. Именно поэтому меня и заинтересовала смерть профессора Макгрегора. Его случай похож на некоторые из тех, что мне довелось расследовать. Смерть наступила в плотно запертой комнате, никто ничего не видел и не слышал, на руках жертвы кровь, а все выглядит как несчастный случай.

– О! – воскликнула Эмма, подаваясь вперед. – Так были и другие?

– В Лонбурге ежедневно умирает куча народа, мэм, – отозвался охотник, окинув долгим взглядом прелестную фигурку Эммы, – некоторые случаи весьма подозрительны.

– И что же вас насторожило? – поспешил вмешаться в разговор Томас.

– Кровь, конечно, – отозвался охотник, переводя взгляд на хозяина кабинета. – У тех убийств, которыми я интересуюсь, всегда есть общие черты. Первое – смерть наступила в закрытой комнате, куда никто не мог попасть. Второе – на теле жертвы присутствуют кровоточащие порезы, обычно на запястьях. Есть и другие признаки, но эти два – самые главные. Именно они привлекли мое внимание. Дело в том... Дело в том, что я отслеживаю одно существо, что может проникать в закрытые дома, убивать их владельцев и бесследно исчезать.

– Существо? – встрепенулся Томас, – существо?

– Не думаю, что это человек, – твердо ответил Райт. – Я охочусь на вампира.

Эмма шумно вздохнула, но удержалась от комментариев. Томас же скептически хмыкнул.

– Вампира? – саркастически переспросил он. – Мистер Райт, в наш просвещенный век, наполненный чудесами науки, глупо верить в подобные сказки.

– Послушайте, мистер Маккензи, – очень тихо и весьма серьезным голосом отозвался охотник. – Я много времени провел в колониях. Я видел там такое, что вам покажется невероятным. Но для наших парней, проливавших кровь за Оркнею, это было реальностью. Люди

летали, а горы ходили. Животные слушались человека, а человек проходил сквозь стены. Странные многорукие существа заманивали наших солдат в джунгли, а те шли, словно околдованные, не в силах сопротивляться. Мистер Маккензи, в мире еще очень много того, что наука пока не может объяснить. Я охочусь за существом, убивающим людей и пьющим их кровь. Я называю его вампиром, просто потому, что не могу подобрать ему другого названия. Не обязательно это престарелый граф из фамильного замка, приглашающий путников провести у него ночь. Возможно, это вообще неразумное дикое зверье, случайно завезенное сюда моряками из какой-нибудь колонии. Понимаете, о чем я говорю?

Томас покачал головой, стараясь удержаться от насмешек. В конце концов, охотник за головами спас ему жизнь – дважды. И он, несомненно, может помочь в расследовании подозрительной смерти профессора. Не стоит насмехаться над ним. В конце концов, все в этом мире имеют свои маленькие слабости.

– Ну, до некоторой степени, я понимаю, о чем вы говорите, – неохотно признал Томас. – Мне, как человеку науки, трудно смириться со столь вольной трактовкой фактов но... Может быть, какое-то животное... Есть же, в конце концов, какие-то летучие мыши, пьющие кровь. Я что-то слышал об этом на кафедре зоологии.

Никлас, с самым серьезным видом отвесил ученому короткий поклон, благодаря за попытку принять объяснения.

– Подождите, – сказала Эмма, – значит, были и другие подобные случаи?

– Были, – тут же отозвался Райт. – Но не думайте, что это случается каждый день. Последний случай, что я расследовал, произошел около года назад. Скончался один из чиновников Королевского Суда. Его нашли в закрытом кабинете, у пустой бутылки виски. Его руки были в порезах. Полиция списала все на сердечный приступ, решив, что чиновник порезался разбитым бокалом. Но я был уверен – это тот самый вампир, заматающий следы...

– Да с чего вы взяли? – не удержался Томас. – Вы видели этого вампира? Беседовали с ним? Откуда у вас взялась такая теория?

– Я не видел это существо, – признался Никлас. – Но не обязательно что-то видеть, чтобы знать – оно существует. Главный след этого существа – обескровленность жертв. Он пьет кровь, а потом разрезает место укуса, маскируя его под порезы. Вот тот след, что он оставляет.

– И все же, – скептически произнес Томас. – Вы его не видели?

– Подождите! – воскликнула Эмма. – Господа, подождите! Кажется, мы сильно отклонились от темы разговора. Может быть, оставим на потом обсуждение темы вампиров? Иначе мы совсем запутаемся.

– Прошу прощения, – тут же сказал Томас, бросив виноватый взгляд на племянницу профессора. – Это я виноват. Прошу вас, мистер Райт, продолжайте ваш рассказ.

– Да, Никлас, продолжайте, – попросила Эмма. – Вы говорили, что заинтересовались домом моего дяди, и стали за ним наблюдать. Вам удалось что-то узнать?

– Пока ничего особенного, – признался охотник за головами. – Прошлой ночью я следил за домом, раздумывая, как попасть внутрь, чтобы осмотреть место преступления, пока полиция не затоптала все следы. И обнаружил, что кроме меня за домом следит весьма подозрительная компания. Я даже узнал пару колоритных персон, разбивающих чужие носы за деньги. Я предположил, что они прослышали о смерти хозяина дома и решили пошарить в нем. Но потом на улице появился сэр Томас и трое подонков последовали за ним. Я очень удивился и на всякий случай отправился следом. В темном переулке негодяи накинудись на свою жертву и мне пришлось вмешаться.

– Еще раз примите мою благодарность, – отозвался Маккензи, – ваша помощь, несомненно, сохранила мне жизнь.

– Не скромничайте и вы, – отозвался он. – Пару часов назад вы вернули мне должок. В этот раз их было больше, чем я думал, и ваша адская штуковина пришлась весьма кстати.

Томас чопорно поклонился, с радостью отметив, что племянница профессора на секунду задержала свой взгляд на его скромной персоне.

– Оставив сэра Томаса в переулке, – продолжал охотник. – Я продолжил погоню и вскоре настиг самого неповоротливого из жуликов. Я немного знал его, и у меня накопилось к нему несколько вопросов – по делам, совершенно не связанным с домом профессора. Мы побеседовали и он, после того как обрел способность дышать, удовлетворил мое любопытство, что, кстати, позволило раскрыть одну загадочную кражу. Но я не преминул задать ему пару вопросов и насчет дома Макгрегоров. Оказалось, что главарь этой шайки – какой-то выскочка из новых уличных ребят – питает очень большой интерес к людям, посещающим дом Макгрегоров. Своим болванам, конечно, он ничего не сказал о причинах такого интереса. Все они, судя по словам этой швали, лишь выполняли приказы босса.

– И вы ему поверили? – скептически спросил Томас.

– Поверьте, мистер Маккензи, – веско произнес охотник за головами, хрустнув костяшками пальцев. – У него были причины для откровенности.

– Подождите, – произнесла Эмма. – Итак, за домом следит лонбургская шайка. Как это связано с вашей теорией о вампирах?

– Пока никак, – охотник за головами пожал плечами. – Я просто излагаю то, что может представлять интерес для дела.

– Но по-прежнему верите, что профессора укусил вампир? – не упустил случая Томас.

– Я верю в то, – твердо ответил Райт, – что смерть профессора подозрительна. Я просто хочу знать – это один из тех странных случаев, интересующих меня, или нет.

– Подождите, – воскликнула Эмма. – Хватит, господа! Давайте оставим в покое вампиров. Мистер Райт, пожалуйста, расскажите, что было дальше.

Никлас строго глянул на молодого ученого, и тот отвел взгляд.

– Итак, – продолжил охотник. – Я заинтересовался этим делом и решил, что мне необходимо побеседовать с вожаком этой новой банды – с тем самым уса́тым убийцей. Я прочесал все притоны и наткнулся на еще одного его подручного. Не буду утомлять вас подробностями – просто скажу, что он рассказал мне ровно тоже самое, что и первый. Встреча с уса́тым главарем стала необходимой. Помня о том, что он проявляет интерес к дому Макгрегоров, я вернулся на свой наблюдательный пункт, и вскоре понял, что был прав. Бандиты вернулись. Видимо прошлая ночь ничему их не научила. Но уса́того не было видно, на дворе стоял день и я не мог просто подойти к этим оборванцам и поболтать с ними.

– Продолжайте, – попросила Эмма, не сводящая глаз с охотника. – Прошу вас, мистер Райт.

Откашлявшись, Никлас бросил взгляд на ученого, что строго поглядывал на гостя.

– И тут мне невольно помог сэр Томас, – продолжил, наконец, Райт. – Он вышел из дома, и оборванцы тут же насторожились. Это было как нельзя кстати. Я показался мистеру Маккензи и пошел прочь, надеясь, что он последует за мной, а за ним и вся веселая компания. Так и вышло. Я решил отвести всю кавалькаду подальше от людных улиц, в укромное место, где никто не помешал бы нашей беседе. Мой план удался – вскоре к бандитам примкнул их главарь, и я заманил всех в одно знакомое мне место. Там все и случилось.

– Что случилось? – воскликнула Эмма, привстав со стула и прижимая руки к груди.

– Негодяи напали на меня, – оживился Томас, – но мистер Райт атаковал их с тыла и мы зажали негодяев между молотом и наковальней.

– Как я уже говорил, – подхватил охотник, – их оказалось больше, чем я рассчитывал. Поскольку я шел первым, то не заметил, как к шайке присоединились еще трое негодяев. Поэтому нам пришлось бы туго, если бы не изобретение сэра Томаса.

– Изобретение? – переспросила Эмма опускаясь на стул и прожигая Маккензи волнительным взглядом зеленых глаз. – Какое изобретение?

– Большая батарея, испускающая разряд электрического тока, – небрежно отозвался ученый, не собираясь вдаваться в подробности. – Но мистер Райт скромничает – он в одиночку сражался с пятью бандитами, пока я разбирался с главарем.

– О! – воскликнула пораженная Эмма.

– В общем, – продолжил охотник за головами. – Мы уложили всех подонков, но, увы, разговора не получилось. Во время схватки главарь очнулся и задал стрекача. Я, к сожалению, в тот момент был очень занят и не смог последовать за ним. Так что мы так и не узнали, чем сэр Томас им насолил.

– Надо сказать, вы пропустили важный момент, – медленно произнес Томас, припоминая схватку. – Знаете, тогда я не обратил на это внимания, но теперь все это кажется странным.

– Что? – оживился охотник. – Что я пропустил?

– Перед тем как наброситься на меня, их главарь сказал, чтобы я не совал нос в чужие дела, – сказал Томас. – Тогда я принял это за обычную уличную похвальбу, но сейчас...

В кабинете стало тихо. Эмма не отводила взгляд от задумавшегося Маккензи, припомиравшего события ночи, а Никлас смотрел прямо перед собой, словно прикидывая что-то в уме.

– Таким образом, – сказал он, наконец, – выходит, что вы были мишенью с самого начала, сэр Томас. Пожалуй, они охотились именно на вас. И это мне не нравится.

– Мне тоже, – с самым серьезным видом произнес ученый. – Это означает, что у нас на руках еще одна загадка, требующая ответа. Какого дьявола этим уличным подонкам надо было крутиться у дома профессора и нападать на визитеров?

– Не уверен, что речь идет о всех посетителях дома Макгрегоров, – медленно произнес Никлас. – Вероятно, им дали ваше описание. Решительно, необходимо найти этого усатого негодяя. Он должен знать больше, чем его подручные.

– Подождите, – сказал Эмма, – а как же убийство моего дяди? Мы же уже решили, что это убийство, правда?

– Очень похоже на то, мисс Макгрегор, – признал Томас. – Однако, в наших знаниях еще много пробелов. Мы же на самом деле нашли подозрительные пробирки и сомнительные следы жидкости.

– Так заполним пробелы, – воскликнула девушка, решительно поднимаясь со стула. – Карты на стол, джентльмены, карты на стол!

Удивленный Никлас вскинул брови, а Томас проводил молодую леди обожающим взглядом.

– Итак, что у нас есть, – азартно продолжила Эмма, оборачиваясь к столу. – Предметное стекло. Томас, будьте любезны...

Маккензи запустил руку в карман, извлек тщательно свернутый платок, что, к счастью, не пострадал в схватке, и передал его девушке. Эмма положила платок на стол, осторожно развернула, и указала охотнику за головами на разбитый кусочек стекла.

– Это, возможно, стекло с ядом, – сказала она. – Улика, подтверждающая версию полиции. Но. Батлер говорит, что дядя не работал с ядами, а на руке дяди было слишком много крови для простого пореза.

Райт отлепился от камина, опустил руки и подошел к столу. Встав рядом с Эммой, он с заметным скептицизмом уставился на осколок, лежащий на носовом платке.

– Надо сказать, – произнес он. – Что и в других странных случаях тоже, порой, встречались весьма веские улики, очень подходящие для версии полиции. Очень может быть, что на стекле действительно есть следы настоящего яда.

Томас фыркнул и поспешил подойти ближе. Встав с другой стороны от Эммы, он бросил косой взгляд на охотника.

– Фальшивые улики, да? – с сарказмом произнес Томас. – Надо предположить, что их фабриковала неразумная летучая мышь кровопийца?

– Скорее, ее хозяин, – невозмутимо отозвался Райт. – Вы слышали историю о бабуине, воровавшим по ночам драгоценности из спален беспечных горожан?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.